

Ислам Узалов

**Стратегии
и «стратегии»**

Ислам Узалов

Стратегии и «стратеги»

«Издательские решения»

Узалов И.

Стратегии и «стратегии» / И. Узалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518017-9

Книга является сборником статей полемического характера из опубликованных автором и получивших общественный резонанс. Фактически она является монографией о подходах к разработке стратегии социально-экономического развития региона на примере Республики Дагестан, которая ещё долго не будет терять своей актуальности. Автор, помимо прочего, владеет искусством занимательно писать о сложном, что делает книгу интересной для всех категорий читателей, а не только учёных и руководителей всех уровней.

ISBN 978-5-00-518017-9

© Узалов И.

© Издательские решения

Содержание

Театр абсурда	6
Теми же граблями по тому же месту	15
Экономический совет при Президенте	21
«Коллапс» экономики	25
«Паразитирующая» торговля	28
«Где деньги, Зин?»	32
Дембель	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Стратегии и «стратегии»

Ислам Узалов

© Ислам Узалов, 2020

ISBN 978-5-0051-8017-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Театр абсурда

В Испании есть король. Он отыскался.

Этот король я.

Гоголь Н. В. «Записки сумасшедшего»

Экономическая мысль в Дагестане бьёт мощным ключом. Тому свидетельство эпохальные труды – два варианта Стратегии социально-экономического развития республики до 2020 года, а теперь вот подоспел и проект Стратегии 2025, что посильнее марксова «Капитала» будет.

В своё время раздражённые моей критикой (проект – откровенная халтура) разработчики Стратегии 2020 попытались ответить на неё, но только лишний раз подставились.

Их контрагументация была столь беспомощной, что опровергнуть её не стоило особого труда.

Тем не менее, в ней было одно утверждение, которое, полагаю, можно рассматривать как свидетельство невольного признания оппонентами моей правоты.

Они, по сути, противореча сами себе, сообщили, что в публикациях нет ничего такого, что не знала бы грамотная кухарка.

Кухарка – это, наверное, с целью уехать.

Но грамотная! И это главное.

Значит, ничего компрометирующего с профессиональной точки зрения в моих опусах, оппоненты так и не смогли высмотреть.

А таблица умножения, как известно, для кухарки и доктора наук одинакова.

В то же время, если с автором связываются профессора и считают необходимым сообщить, что хранят подборки его публикаций или на своих лекциях рекомендуют их студентам, а один, правда не доктор наук, но далеко не глупый руководитель, сообщает, что регулярно высылаю мои статьи в Москву своему сыну – аспиранту, специализирующемуся на экономике, то это лишний раз свидетельствует – занимательность достигалась не в ущерб качеству.

В то же время, Минэкономики – заказчик проекта Стратегии 2020, игнорируя очевидные нелепости и нестыковки, рассыпанные по всему проекту, на которые я обращал внимание, бодро рапортовало на совещаниях, что всё идёт нормально. Остаётся только кое-где, кое-что немножко подправить, «а в остальном, прекрасная маркиза...»

Но вдруг (видимо где-то в верхах наконец-то пришли к пониманию, что проект действительно ни к чёрту) он был отправлен «на свалку истории» и прогрессивная общественность узнала, что начата работа над новым вариантом.

Минэкономики же бодро отряхнулось и... вновь возглавило это дело.

В результате, родился второй вариант проекта Стратегии 2020 – фактически аналог первого, но в другом оформлении.

Тем не менее, он был признан успешным и дружно принят Народным собранием в первом или вроде даже втором чтении. Однако, опять произошло нечто неожиданное – образовался Северо-Кавказский федеральный округ, пошли новые веяния и проект в очередной раз, слава богу, отправили в мусорную корзину.

Это всё предистория

А история в том, что я никак не собирался комментировать очередной вариант проекта Стратегии, пусть и 2025, и даже не знал, что он из себя представляет.

Однако, заинтригованный совсем уж безудержным славословием (президент Магомедов, вроде как, предлагал проект обсуждать, а не курить фимиам), отыскал его и пробежал глазами по тексту.

Сразу же повеяло чем-то знакомым.

Ёлки-палки! Да это же всё та, но только в очередной раз перелицованная и увешенная ещё большими развесистыми клюквами Стратегия 2020.

Очередная коллекция нелепостей и неизвестно как полученных цифр.

Правда, имеются и нововведения.

Например, если в предыдущих вариантах природа цифр вообще не была понятна, то теперь почти каждая таблица снабжена надписью «Источник: Аналитика AV» (AV это название фирмы разработчика).

Как получена эта самая аналитика, вероятно, положено знать только самой AV.

Ну ладно, забудем про аналитику.

Поверим на слово, что с ней всё как в лучших домах.

А где расчёты на её основе?

Или в этом деле тоже у фирмы политика аналогичная?

Во всяком случае, ни в проекте, ни в его приложениях ничего похожего на расчёты нет.

– Вот вам таблицы и графики, вынутые из рукава, и много не кашляйте.

Это надо же так ухитриться – трижды, меняя упаковку, продать один и тот же негодный товар одному и тому же покупателю.

Ну, раз нет расчётов, то позволю себе прокомментировать хотя бы маленькую толику результатов, к которым они привели и которые бросаются в глаза даже при поверхностном ознакомлении.

Когда в проекте прогнозируется, что население Дагестана, которое к концу октября 2010 года по официальным данным переписи составило уже 2,977 миллиона человек, в 2025 году составит целых 3,008 миллиона (прирост за 15 лет только на 1% в республике, демонстрирующей самые высокие в стране темпы роста и удивительная к тому же точность), а уровень безработицы, например, по инерционному сценарию составит 10,1% (точность не менее удивительная), то его, не читая дальше, можно отправлять туда же, где нашли покой и два его предшественника.

– Почему я столь категоричен?

Ну, хотя бы потому, что проект, где разработчики не в состоянии под носом увидеть слона и в то же время на удалении в пятнадцать лет способны бить белку в глаз, уже не заслуживает никакого доверия.

Почему научные умы, которые в состоянии прогнозировать на 15 лет вперёд с фантастической точностью до 0,03%, не в состоянии дать оценку текущей демографической ситуации с точностью хотя бы до 1—2%?

Цифра 3,008 миллиона будет не только достигнута, но, судя по всему, и перекрыта. Но не в далёком 2025, а в текущем году.

И в этом заключается аналитика AV?

Во всяком случае, в самом проекте аналитическая часть – Оценка социально-экономического положения Республики Дагестан кое-где (я ведь читал в проекте далеко не всё, а просто открывал первые попавшие на глаза страницы и главы) напоминает гоголевские «Записки сумасшедшего».

Приведу всего ещё один пример:

– В проекте (стр. 66) сообщается, что в отрасли, занимающейся строительными услугами, в 2008 году «имелось 59,5 тыс. рабочих мест», а «в 2010 году 9,5 тысяч рабочих мест».

– В чем причина столь невероятного – на 86% падения?

Какие из этого следует делать выводы?

– А чёрт его знает. Просто констатация факта и всё.

Целая отрасль вроде как стремительно вымирает, даже почти вымерла (а вы, при нашем не прекращающемся строительном буме, в это верите?), но товарищам хоть бы что.

Интересная получается «аналитика».

Вдогонку ещё одно сообщение: «...в строительстве задействовано около 1200 организаций, в которых занято около 59,5 тысяч человек».

– Глагол настоящего времени, значит, вроде как, даже в 2011 году?

Но тогда как, в оставшиеся после 2008 года 9,5 тысячи рабочих мест, отрасль ухитрилась втиснуть 59,5 тысяч человек?

А может это она сразу же после 2010 года, взяла, приткая такая, и 1 января 2011 года взлетела с числом рабочих мест до прежнего уровня – 2008 года? Шестикратно!

А может разработчики не видят разницы между понятием работник и рабочее место?

– Что вообще берётся за базу для расчётов и почему?

Одному аллаху ведомо.

Зато в конце даётся ещё одна довольно невнятная информация – «потенциал строительных услуг в стоимостном выражении составляет 200 миллиардов рублей».

– Как он подсчитывался, и вообще – это потенциал потребностей в услугах или потенциал мощностей для их реализации (потенциал отрасли)?

Если потребностей, то от чего же мощности сократились в шесть раз при таком спросе?

Или имеется в виду 2008 год?

Но тогда почему, опять-таки, использован глагол настоящего времени?

Если же речь о потенциале мощностей, то имеется в виду потенциал 59,5 тысяч рабочих мест, но 2008 года или 9,5 тысяч рабочих мест, но 2010 года?

Тайна сия велика есть.

От чтения такой «аналитики» невольно и у самого поедет крыша.

– «Вчера раки были по пять рублей, но очень большие... А сегодня по три, но очень маленькие... А вот вчера..., но по пять рублей...»

– Отчего я прицепился к демографии и рабочим местам?

– Да от того что именно вокруг них должны вытанцовываться остальные расчёты – места в школах, больницах, детских садах, социальная защита, квадратные метры жилья, инвестиции, доходы...

Если по тому же инерционному сценарию, который берут за основу разработчики, предусматривается до 2025 года создать 178 тысяч рабочих мест, то при населении, которое к тому времени наверняка составит уже не прогнозируемые 3,008 миллионов, а минимум 3,2 – 3,3 миллиона, о чём свидетельствует демографическая ситуация в республике, уровень безработицы должен составить вовсе не 10,1%, а цифру большую почти вдвое.

А если, всё-таки, хочется 10,1%, то нужны ещё инвестиции для создания мест дополнительных к тем, что уже заложены в проекте.

Давайте вместо разработчиков и хотя бы примерно подсчитаем, о какой сумме должна идти речь.

Например, в современной микроэлектронной промышленности стоимость одного рабочего места составляет порядка 1 миллиона долларов (28—30 миллионов рублей). Но мы не будем летать так высоко.

Вот Каспийский завод листового стекла, который обойдётся инвесторам более чем в 10 миллиардов рублей, создаст, если мне не изменяет память, порядка 500 рабочих мест. То есть, стоимость одного места составит 20 миллионов рублей.

Опустим планку ещё ниже – пусть в нашей очень инновационной и высокотехнологичной экономике, которую обещают авторы проекта, средняя стоимость рабочего места составит лишь 2 миллиона рублей.

Из этого следует, что создание дополнительных 130 – 150 тысяч рабочих мест потребует 260—300 миллиардов рублей.

Плюс стоимость социальной инфраструктуры, необходимой для этих работников, которая, в расчёте на одного человека, будет стоить значительно дороже его рабочего места.

Но мы опять проявим скупость и приравняем её к стоимости рабочего места.

В результате получаем 520—600 миллиардов рублей – сумма, которая в проекте, естественно, никак не учтена.

По проекту Стратегии среднегодовые темп роста ВРП до 2025 года должен составить по разным сценариям от 5,1% до 7,1%.

Это ниже, чем даже в кризисные 2009—2010 годы, когда, в отличие от многих других регионов, Дагестан демонстрировал рост, хотя темпы и несколько упали.

А сейчас мы, вроде как, уже не особо и в кризисе.

Темпы опять пошли в гору.

Что же касается предшествующих 2001—2008 годов, то в этот период они составили порядка 14% среднегодовых.

Да и теперь по прогнозу осторожного Минэкономразвития РФ, посткризисный темп роста ВРП республики, например, в 2012 году к 2011 году уже составит где-то 17%.

Это почти в 2,5 раза больше среднегодового, предусмотренного в проекте по оптимистическому сценарию. Прогноз делался, кстати, без учёта тех немалых финансовых вливаний, которые закладываются в проекте Стратегии.

Спрашивается, что это за Стратегия 2025 такая, которая обещает темпы роста экономики существенно меньшие, чем в предшествующие 2001—2008 годы, да и то при условии, что на её реализацию будет требоваться ежегодно в среднем по 174 миллиарда рублей?

Для чего вообще она нужна, если республика и без неё способна на куда большее?

На первых же страницах проекта в разделе Стратегическая доктрина сообщается, что «Дагестан -2025 – субъект России, представленный конкурентоспособными постиндустриальными кластерами «Каспийский ХАБ» и «Дом Народов».

И далее – «Оперативное управление кластерами будет возложено на создаваемый комплексный институт развития – Корпорация развития республики Дагестан».

Вообще-то кластеры, если они таковыми являются в действительности (лично у меня на этот счёт большие сомнения, как минимум, в отношении «Дома Народов»), есть объекты самоуправляемые и никакому внешнему и даже внутреннему администрированию не подлежащие.

Всем заправляет невидимая рука рынка.

Роль же государства сводится к регулированию движений этой руки в нужном направлении чисто экономическими методами (преференции, инфраструктура...) и политическим сопровождением за границами самого кластера.

Всё это никак не может находиться в пределах компетенции какой бы то ни было Корпорации.

Это функция власти всех уровней. Она и есть «комплексный институт развития».

А чем, в противном случае, ей ещё заниматься?

Заслушивать раз в месяц отчёт этой самой Корпорации?

Идея разработчиков удивительным образом напомнила мне видение роли Экономического совета при президенте РД, высказанное как-то одним из его руководителей – Михаилом Чернышёвым, согласно которому он – совет из общественного консультативного органа фактически должен был превратиться в административного монстра, занимающегося всеми вопросами стратегического развития, подменяя чуть ли не правительство целиком.

Тогда я задал вопрос: А чем при наличии такого органа остаётся заниматься самому правительству?

Судя по всему, предложение не имело успеха, поскольку Экономический совет всё-таки остался в том качестве каким и был.

Мало того, из его состава вроде бы, как я и предлагал тогда же, были выведены все высокопоставленные правительственные чиновники.

(Орган, призванный, помимо прочего, оценивать и предложения, исходящие от правительства не может включать в свой состав самих чиновников.)

Позже, в процессе обсуждения Стратегии 2020 господин Чернышёв выступал с идеей создания в министерствах и ведомствах специальных подразделений по реализации этой самой Стратегии.

С учётом того, что Стратегия должна охватывать все аспекты социально-экономической жизни республики, возникал вопрос: Чем тогда должны заниматься остальные структуры каждого из министерств в рамках своей ответственности, если одно из их же подразделений замыкает на себе практически всё?

До осуществления замысла дело, слава богу, тоже не дошло.

И вот теперь идея из того же ряда – учредить некую Корпорацию.

Заглянул в конец проекта, а там в списке исполнителей и господин Чернышёв.

Ну, всё понятно.

Теперь осталось ждать предложений по созданию при министерствах управлений по реализации Стратегии 2025.

«Главная стратегическая цель развития Республики Дагестан – рост качества жизни населения...».

Разработчики проекта, осенённые учёными степенями, постоянно демонстрируют удивительную неряшливость мысли, примеры которой я уже приводил.

Вот и здесь, если придерживаться норм русского языка, задача, оказывается в том, чтобы в 2025 году наконец-то достичь великой цели – выйти на обеспечение роста качества жизни. Хоть какого-то.

А если рост качества (ну, например, на 0,1%) будет наблюдаться уже в 2011 году?

Трубить в фанфары и праздновать досрочную победу? А как же иначе? Разве цель не достигнута?

Качество-то выросло.

И вот, двигаясь к этой непонятного размера цели, оказывается, республика должна превратиться в «передовой субъект Российской Федерации XXI века», то есть войти в двадцатку «субъектов – лидеров (РФ) по объёму валового регионального продукта (ВРП) и индексу развития человеческого потенциала (ИПЧП)».

– Ура? А как же иначе?

Даже сейчас, по объёмам ВРП мы, как сказали бы футбольные фанаты, в первой половине турнирной таблице – 35 из более чем 80 мест. То есть – крепкий середнячок.

При этом стыдливо умалчивается, что по удельному (на душу населения) ВРП, а это куда важнее, мы, вместе с несколькими такими же горемыками, таблицу замыкаем.

Статистика такая штука, которая позволяет навешать лапшу на любые доверчивые уши. Вот если бы Дагестану был обещан вход в первую двадцатку по уровню удельного (!) ВРП, тогда было бы совсем неплохо.

(Кстати, в своё время, критикуя Стратегию 2020, я показывал, что нам под силу уже к 2020 году войти по этому показателю даже в первую десятку.)

Первая же двадцатка по уровню просто ВРП звучит очень расплывчато и кислотовато.

От того что Китай обошёл Японию по объёму ВВП и вышел по нему на второе после США место в мире вовсе не означает, что в нём качество жизни сравнялось с японским и вообще оказалось на втором месте в мировом рейтинге.

Да и сами США, несмотря на гигантский ВВП вовсе не мировой лидер по показателям удельного ВВП и качества жизни.

У китайцев же оно далеко даже от российского.

Дело том, что удельный ВВП Китая, несмотря на его завидную динамику, пока ещё в 6 раз меньше японского и в два с лишним раза российского.

Сейчас Дагестан по численности населения среди регионов РФ находится на тринадцатом месте и демография такова, что к 2025 году, он гарантировано окажется на десятом.

Если при этом по уровню удельного (!) ВРП республика достигнет среднероссийских показателей, то по уровню просто ВРП он уже может попасть даже в первую десятку.

Разве не лидерство?

По этому объёмному показателю – да, но по сути...

Дагестанский ВРП в 2008 году уже был в 7 раз больше, например, чукотского.

Однако, население Чукотки меньше нашего в 60 раз и несложно подсчитать, что ВРП, приходящийся на одного чукчу почти в три раза выше среднероссийского и в 9 раз больше, чем приходится на одного дагестанца.

Чтобы не было заблуждений, уточню, что речь идёт не о деньгах благотворителя и «начальника Чукотки» Романа Абрамовича, а о стоимости вырабатываемой жителями округа продукции.

По сути – производительности труда.

А вдруг нам и по уровню удельного ВРП к 2025 году всё-таки уготована судьба лидера?

Давайте сделаем ещё раз то, что держат в тайне разработчики проекта – рассчитаем.

В 2008 году удельный ВРП республики был в 3 раза ниже среднего по РФ.

Концепция социально – экономического развития РФ по оптимистическому сценарию прогнозирует к 2025 году для страны трёхкратный по сравнению с 2008 годом рост ВВП. Значит, близкой к этому будет и прирост среднего по стране удельного ВРП.

То есть, республике, чтобы к 2025 году достичь хотя бы среднероссийского для того времени уровня, следует увеличить свой удельный ВРП в $3 \times 3 = 9$ раз.

(Любопытное совпадение – оказывается, для этого через семнадцать лет он должен сравняться с показателем Чукотки 2008 года.)

Оптимистический же сценарий проекта Стратегии 2025 предусматривает рост лишь в 5 раз – темп почти в 2 раза ниже необходимого для того, чтобы попасть хотя бы в середнячки.

В результате, если сейчас наш уровень удельного ВРП в 3 раза ниже среднероссийского, то к 2025 году подтянемся и он будет ниже в 2 раза.

Прогресс конечно фантастический.

То есть, если стряхнуть лапшу с ушей, следует, что нам планируется роль вовсе не лидера и даже не крепкого середнячка, а крепкого аутсайдера.

Арифметика, знаете ли, штука беспристрастная.

Однако, это совершенно не смущает авторов проекта, которые рисуют захватывающие картины.

Особо впечатляет одна – оказывается уже к 2016 году в Дагестане создадутся предпосылки для перевода экономики в режим постиндустриального развития, а к 2020 году она полностью перейдёт на его рельсы и останется только дальнейшее закрепление успехов и превращение к 2025 году в «субъекта – лидера» (!!!).

Кстати, знаете, какая в постиндустриальном Дагестане будет средняя зарплата?

Если по самому оптимистическому сценарию, то целых 34,8 тысяч рублей – 1200\$. Это почти в 1,5 раза выше, чем в среднем по стране..., но сегодня – в 2011 году и даже чуть выше, чем в «постиндустриальной» Ливии 2010 года.

А вот в постиндустриальном США средняя зарплата в том же 2010 году составила около 4000\$. А что будет у них в 2025 году?

Тем не менее, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) у нас, оказывается, достигнет заоблачной величины – 0,887. То есть, обгоним сегодняшние Германию (0,885), Швецию (0,885), Японию (0,884) и лишь малость не дотянем до США (0,902)

Ну, ребята вы даёте.

Таким «Нью-Васюкам» отдал бы должное даже Остап Ибрагимович.

Дотационный постиндустриальный «субъект-лидер» России XXI века с удельным ВРП вдвое ниже уровня Чукотки 2008 года и ИРЧП, конкурирующим со США, это театр абсурда имени Франца Кафки.

Абсурд не в том, что в течении 15 лет невозможно подступиться к постиндустриальному обществу.

Если всё делать правильно, за это время в него, хотя бы одной ногой, но уже можно будет вступить.

Абсурд в кричащем несоответствии планируемых показателей оценкам, которые им даются.

Абсурд в том, что практически всё содержание проекта (пусть даже чрезвычайно сомнительного по качеству) посвящено вялой индустриализации, а на презентации его разработчики сообщают, что это и есть постиндустриализация.

Как можно проект, содержащий всю эту ахинею отправлять куда-то в федеральный округ или Москву?

Что подумает о его разработчиках любой мало-мальски грамотный экономист?

Экономика постиндустриального общества это, прежде всего, исследовательские и шлейф сопутствующих им организаций, а не заводы.

Это экономика торговли, но, прежде всего продуктами интеллектуальной деятельности – know how (ноу-хау) высокооплачиваемых «белых воротничков», а не ширпотребом на Анжи – базаре.

Это экономика услуг, но прежде всего, интеллектуальных, а не ресторанно-туристических.

Например, всё тот же Каспийский завод листового стекла, о котором у нас так много шума, это объект чисто индустриальный.

Технологии же, по которым он будет работать, это ноу-хау и уже нечто постиндустриальное, как и услуги заморских специалистов по монтажу и наладке оборудования, обучению персонала, последующему сопровождению проекта и пр.

Инвестор их и закупает в постиндустриальном США, где, кстати, в «экономике знаний» занято 70% всей рабочей силы. Одновременно в сельском хозяйстве, например, лишь 5%. Правда, это не мешает стране быть крупнейшим в мире экспортёром продовольствия.

Естественно, благодаря ноу – хау от «экономики знаний».

А у нас такую экономику в проекте Стратегии 2025 не то что сегодня, но и в прогнозах на 2025 год невозможно разглядеть даже через микроскоп.

От того, что через зону обитания африканских бушменов протянут нефтепровод, железную дорогу и автобан, построят завод-автомат, где аборигены будут работать сторожами и уборщицами, а так же разовьётся этнотуризм, для желающих поглазеть на местных жителей, щеголяющих в набедренных повязках, племя бушменов не превратится в постиндустриальное общество.

Это будет задний двор постиндустриального общества, подкармливаемый природной рентой.

Два опыта с проектом Стратегии 2020 и теперь уже проект Стратегии 2025, в котором, как признают и сами разработчики, использованы материалы Стратегии 2020, продемонстрировали интересную закономерность – каждый очередной вариант внешне оформляется красочнее предыдущего.

Одни только расцвеченные всеми цветами радуги графики, диаграммы и таблицы чего стоят.

А всё начиналось со скромного чёрно-белого исполнения.

Помимо того, наблюдается нарастающее жонглирование терминологией (кластер, синергия, агломерация, интермодальный...), создающими у читателя впечатление высокой научности.

К этому добавились ещё и элементы пафосности, видимо призванные усилить воздействие на него.

Одно только выражение «передовой субъект Российской Федерации XXI века» уже способно потрясти воображение.

По сути же заказчику впаривают одну и ту же пустышку, но во всё более и более красочной обвёртке.

Хотя, что это я так о заказчике – Минэкономике?

Разве он сам совместно с фирмой AV не является основным разработчиком проекта?

То есть, един в двух лицах.

Ну, тогда получается, что проект впарывается вовсе не Минэкономике, а Минэкономикой президенту, который, естественно, не изучает его с карандашом в руке, а доверяется мнению тех, кто с вдохновением описывает сияющие вершины, которых достигнет республика в 2025 году.

По большому счёту дело не в том, как должно к 2025 году называться дагестанское общество – индустриальное оно, постиндустриальное или ещё какое.

Дело в том, что и через пятнадцать лет оно согласно проекта стратегии будет по удельному ВРП, а значит и доходам, приходящимся на каждого дагестанца, находиться не то, что в лидерах, а на уровне значительно уступающем среднероссийскому.

В проекте приводится впечатляющий перечень того, где, сколько и с чьим участием проводились обсуждения его идей и пр.

Тогда не может не возникнуть вопрос: Какова причина того, что не только разработчики, но и никто из обсуждающих не видел того, что невозможно не увидеть?

– А кто его знает?

Диапазон причин довольно широк – от непрофессионализма и пофигизма до конформизма и махрового сервизма.

P.S. На этом книгу можно было бы считать законченной. Однако, я решил сделать прологом то, что по логике должно было стать её эпилогом, а в остальных главах достаточно подробно изложить своё видение экономических процессов и подходов к разработке стратегий социально – экономического развития как Дагестана, так и любого региона РФ.

P.P.S. Прежде, чем под самый новый 2020 год отдать книгу в печать, я заглянул на сайт Правительства и нашёл в его недрах эту самую Стратегию 2025.

Как утвердили её почти десять лет назад, так и забыли о её существовании.

А ведь через несколько дней мы вступаем в 2020 год, в котором Дагестан, как обещали разработчики, должен будет полностью перейти на рельсы постиндустриального развития.

Сегодня для меня это звучит ещё более издевательски, чем тогда, когда Стратегия была единогласно принята Народным Собранием и утверждена Президентом РД.

Теми же граблями по тому же месту

У нас, как, впрочем, и везде, смена первого лица вызывает оживление в среде чиновников, производителей и деятелей науки, сообщающих миру про «планов громадьё», призванного обеспечить выполнение задач, озвученных новым руководителем.

В принципе, это нормально.

Особенно для чиновников, раз они согласились войти в состав его команды.

Вместе с тем, в рамках командной игры, которая внешне смотрится достаточно слаженно, они порой делают заявления, содержание которых не может не вызывать вопросы.

Во всяком случае, у меня.

Самой интересной в хоре этих голосов выглядит партия, озвучивающая необходимость разработки тем либо иным министерством своей политики.

Господа, а как же насчёт принятой ранее и пока ещё никем не отменённой Стратегии 2025, в основе которой, вроде как, и должны лежать все ведомственные политики и на год, и на пять вперёд?

Разве уже более полугода она не имеет силу закона и не вывешена на сайте Правительства республики?

Ведь там же всё прописано.

Почему бы не подсказать это новому начальнику и кому, если не вам?

Как никак, работа над нею обошлась бюджету, если мне не изменяет память, где-то в 26—28 миллионов рублей и «весит» она порядка 2,5 триллиона (!!!).

К тому же, в своё время было очень много славословия в её адрес со стороны чиновничества и учёных мужей, приложивших руки к разработке документа.

Правда, автор этих строк ещё до принятия обозвал проект Стратегии 2025 театром абсурда в своей статье с одноимённым названием.

Однако, глас этот все дружно проигнорировали и «караван» гордо поchapал дальше – туда, не знаю куда.

А как иначе?

Она ведь обещала к 2025 году превратить Дагестан в «постиндустриальный, передовой субъект Российской Федерации XXI века» (!!!).

И никого не смущало, что эта радость нас ожидает при условии повышения удельного ВРП республики до среднероссийского уровня... 2010 года, сохранения дотационности и пр..

Документ буквально нашпигован всевозможными несуразностями, но эта конечно была квинтэссенцией абсурда. Теперь же, когда почти все товарищи из экономического блока прежних правительства и администрации президента, не считая внутренней рокировки, остались в самом блоке, ни один из них почему-то не вспомнил о столь любезной ими Стратегии.

Они уже заняты разработкой очередной своей политики и, значит, соответствующей ей Стратегии.

Получается, что политики у нас до сегодняшнего дня никакой и не было. – Не грозит ли вашим новым трудам судьба предыдущих?

Первые звонки уже звучат. Так и. о. министра экономики при обсуждении в Народном Собрании вопроса бюджетной обеспеченности сообщает, что у нас отсутствует «такой механизм, чтобы заинтересовать глав муниципальных образований в поднятии собственной доходной базы».

Елки – палки!

Стратегия 2025, оказывается, существует без механизма мотивации, обеспечивающего доходы в муниципальные бюджеты.

А раз нет денег, значит, не быть ни старой стратегии, ни новой политики. «Утром деньги – вечером стулья». Это скольких же лет не хватило для разработки механизма и сколько лет ещё ждать?

Придётся помочь. Бесплатно.

Механика заключается в анализе доходного потенциала муниципального образования и постановке задачи по его реализации.

– Не справляется глава? – Давай, до свиданья.

Вместе с руководителями своих служб, ответственных за это дело.

Мотивация будет бешенная.

Если, конечно, в муниципалитетах проникнутся убеждением, что с ними шутить никто не собирается.

Привожу пример.

У нас по статистике добыча песка составляет порядка 1% от того, что фактически потребляет строительная отрасль.

Значит, 99% налогов за песок проходит мимо бюджета. Поставьте задачу и обеспечьте контроль, что бы в течение года эта цифра уменьшилась хотя бы в 10 раз.

То есть, чтобы платились хотя бы 10% от положенного.

Вот и вся мудрость, не требующая, к тому же, никаких дополнительных финансовых и материальных затрат.

Кстати, заметьте, что она вполне укладывается в русло декларируемых новым руководством требований в части ответственности кадров.

Никогда не увядает у нас и тема необходимости развития промышленности – в первую очередь машиностроения – как стенового хребта экономики, двигателя прогресса и пр.

Сейчас, как раз, приходится наблюдать очередное обострение.

Вообще-то стеновым хребтом может служить любая отрасль – хоть выращивание кукурузы, хоть производство даргинских чуду или детских игрушек.

Лишь бы создавались рабочие места и пополнялся бюджет.

Ничего не имею и против машиностроения.

Но кто и когда доказал, что, к примеру, для него 5 или 15% в общем ВРП это плохо, а 40 или 70% это в самый раз?

Кто доказал, что рубль, поступивший в семейный или государственный бюджет от игрушек или кукурузы хуже рубля машиностроительного?

Разве у него меньшая покупательная способность?

Силиконовая долина расположена в американском штате Калифорния, заводы же разбросаны, в основном, по всей Юго – Восточной Азии и Китаю. И ничего.

Основные денежки ИТ индустрии всё равно стекаются в долину.

Не потому, что американцы бесцеремонно всех обдирают, а потому что сегодня мозги ценятся больше, чем станки.

Такова особенность постиндустриального общества, которое, кстати, разработчики Стратегии 2025 обещают и нам через двенадцать лет, хотя признаки планируемой постиндустриализации найти в ней очень сложно.

Интересно, что ответят адепты развития машиностроения, если спросить у них: Друзья, вот вы десятилетиями твердите об одном и том же, а воз и ныне там.

В чём причина?

Вроде бы и профессура, и чиновники, и, тем более, руководители предприятий выступают единым фронтом, активно настаивая на этом.

К тому же в разрабатываемых ими стратегиях регулярно сообщается о наших конкурентных преимуществах за счёт квалифицированных кадров, незагруженных мощностей... А инвестор почему-то не клюёт, да и кредитор, если клюёт изредка, то только под государственные

гарантии, что, в общем-то есть свидетельство не совсем полной надёжности в его глазах кредитваемого проекта.

Так, где, чёрт подери, затаился вредитель?

Для обвинения остаются только злонамеренный Федеральный центр, проклятый Запад и потусторонние силы, но я, будучи противником конспирологических теорий, предложу собственную версию.

Дагестан, конечно же, имеет перед, к примеру, Сибирью или Норвегией с Финляндией конкурентные преимущества в деле выращивания винограда. Что же касается машиностроения, то их у нас, к сожалению, нет.

Когда завод десятилетиями пребывает в режиме загрузки на уровне 10—15% своих мощностей, это означает лишь затянувшуюся агонию – точка невозврата давно пройдена.

Связи с поставщиками, потребителями и смежниками разрушены, квалифицированные кадры разбрелись кто-куда, а простаивающие мощности обветшали и устарели.

Дешевле построить с нуля что-то новое, чем разгрести оставшееся.

К примеру, строительство Каспийского завода листового стекла можно объяснить прежде всего наличием у нас сырьевой базы, которая имеется далеко не везде. Но в чем не выдуманное, а реальное конкурентное преимущество размещения в Дагестане какого-либо машиностроительного предприятия?

Даже если не брать во внимание риски, связанные с действиями экстремистского подполья.

Одной из заигранных мелодий, регулярно исполняемых промышленными генералами, являются сетования на то, что их постоянно обделяют госзаказами.

Насколько это соответствует действительности сказать сложно.

Возможно, они проигрывают в честной конкурентной борьбе коллегам из других регионов, а возможно всё решает подковёрная борьба административных и прочих ресурсов.

С учётом российских реалий, думаю, следует всё-таки отдать предпочтение второй версии.

Тогда вопросы, безусловно, к тем, кто может, а зачастую и обязан лоббировать интересы республики в федеральном центре.

Однако, я сейчас не столько об этом, сколько о том, что в рыночных условиях непродуктивно строить свою политику привязываясь к столь ненадёжному партнёру, как государство, в котором всё зависит от настроения чиновников.

Предприятие, ориентированное только на госзаказ, подобно банку, у которого один вкладчик – он ушёл и всё рухнуло.

Госзаказ у предприятия должен занимать не более 20—30% от общего объёма производства, а остальное должно работать на открытый рынок.

В его портфеле должны присутствовать если не сотни, то десятки потребителей, которые отдали предпочтение ему не по чьей-то указке, а потому, что им это выгодно.

Если же таковых нет, то это вопросы к менеджерам самого предприятия, к их компетентности как в области производства, так и в области маркетинга.

Ещё одна популярная тема – острая необходимость в техническом перевооружении предприятий, поскольку отсталость не позволяет поднять качество, улучшить конкурентоспособность и пр., пр.

Эта мысль тоже давно превратилась в мантру, которая непременно звучит, там, где публично обсуждаются проблемы экономического развития республики.

И кто же рискнёт выступить против?

Но дьявол, как известно, таится в деталях.

Перевооружение, то есть, модернизация без денег есть лишь благое пожелание и поэтому мысль о ней подкрепляется идеей о необходимости появления в республике некоего инвестиционного банка с «длинными» рублями.

«Ноги» идеи растут всё из той же, про которую уже почти четверть века долдонят на перебой руководители промышленных предприятий:

Дайте денег побольше, ставкой пониже и возвратом попозже, а лучше – никогда и мы вам такое сотворим...

При этом как-то забывается, что подобную возможность они в куда более благоприятных условиях – и предприятия не были ещё кадрово и технически обескровлены, и рынок был готов много чего поглотить – имели ещё лет 20—25 пять назад.

К сожалению, тогда практически ими всеми была продемонстрирована, скажем мягко, неготовность работать в новых условиях.

Единственное на что они оказались способны, так это пустить свои площади под торговлю ширпотребом, вместо того, чтобы организовать его производство.

Несколько робких попыток конверсии кончались затовариванием складов вновь освоенной продукцией, не находившей сбыта, и свидетельствовали, как минимум, о неудачной маркетинговой политике производителей.

Что же касается нынешних реалий, думаю, придётся смириться с тем, что специально никто никакого инвестиционного банка с дешёвыми, легко раздаваемыми кредитными ресурсами для нас учреждать не будет.

Ни федеральный, ни республиканский бюджет халевных инвестиций для экономики, за исключением объектов инфраструктуры, давно уже не выделяют, а банки – как их не называй – работают, пусть и в нашей далёкой от совершенства, но рыночной среде, где условия кредитования формирует конкуренция.

Тот же добрый дядя, который в ущерб себе начнёт предоставлять заёмщикам какие-то особые условия, обречён на банкротство.

В современной промышленности стоимость одного рабочего места составляет порядка миллиона.

Тысяча рабочих мест – миллиард.

Обращаю внимание – долларов, а не рублей.

(Напомню, что темпы роста населения в республике порождает необходимость создавать десятки тысяч новых рабочих мест ежегодно. И это без учёта имеющейся безработицы, измеряемой сотнями тысяч.)

Допустим, половину существующих основных фондов можно использовать и в дальнейшем.

Тогда перевооружение лишь одной тысячи рабочих мест обойдётся в полмиллиарда долларов или пятнадцать миллиардов рублей – это около 1,5 инвестиций для строительства Каспийского завода листового стекла, создавшего чуть более 500 рабочих мест.

А если сто тысяч?

Оно оправдано, если созданные на эти деньги места будут загружены заказами на 100%.

Однако, в декларациях о необходимости технического перевооружения вы вряд ли найдёте упоминания хотя бы об одном продукте, налаживание производства которого на полную мощность было бы подкреплено сколько – нибудь убедительным обоснованием возможностей его реализации (рынки сбыта, спрос, конкурентные преимущества и пр.).

В них, как правило, вообще нет речи о какой-либо конкретной продукции.

Вот потратим миллиарды, перевооружимся и тогда...

– Почему я столь уверен в своём утверждении?

Потому, что, если производитель обладает чем-то, что заждавшиеся потребители будут прямо-таки отрывать с руками и портфель заказов на месяцы вперёд, у него не должно быть проблем с финансированием – инвесторы и кредиторы сами выстроятся в очередь.

К сожалению, ничего такого у нас пока не наблюдается.

В этой связи показательна не только четвертьвековой давности, но и прошлогодняя история, приключившаяся с Дагестанским заводом металлических труб, что в Буйнакском районе.

Завод-то вроде современный, построен с нуля, а запустили и оказалось, что его продукция не находит должного сбыта.

Было бы очень интересно прокомментировать реакцию чиновников на столь тревожное событие, какие чудные озвучивались предложения по выправлению ситуации, но воздержусь, потому что это уведёт нас в сторону от основной темы.

Сегодня у приличных российских банков нет особых проблем с кредитными ресурсами.

У них проблемы с потенциальными заёмщиками, которые не в состоянии представить проекты, эффективность вложения в которые была бы убедительна.

Тут невозможно не вспомнить ещё одно относительно недавнее событие, когда при разработке программ для кредитования под гарантии государства московские чиновники сетовали на то, что большинство бизнес-планов, представляемых дагестанцами, настолько беспомощны, что отметаются с порога.

А банки ведь относятся к своим средствам не менее трепетно, чем чиновники к бюджетным.

Вывод один:

Хотите денег? Представляйте конкурентоспособные проекты, которые могли бы заинтересовать кредитора или инвестора. Другого не дано.

То есть, как и учил «эффективный менеджер» товарищ Сталин, «кадры решают всё».

И, прежде всего, кадры руководителей.

С кадрами остальными, думаю, они разберутся сами.

Техническое перевооружение имеет ещё одну особенность, которая вроде очевидна, но почему-то всегда оказывается вне поля зрения.

По умолчанию оно предполагает выход на мировой уровень производительности труда.

Иначе и быть не должно.

При наших реалиях это означает, что создание одного высокотехнологичного места на действующем производстве при тех же объёмах может оставить без работы одиннадцать из двенадцати рабочих.

Простейшая аналогия—один комбайн заменяет в поле сотни жнецов.

Если же мы не хотим сокращения рабочих мест и раскошелиться на всех, то появляются мощности, превышающие действующие в двенадцать раз, при том, что сейчас даже имеющиеся у нас загружены только на 10—20%?

То есть, новые мощности будут в 60—120 раз перекрывать загрузку предыдущих.

Ну и как будут реализоваться столь колоссальный прирост возможностей да ещё в условиях жёсткой глобальной конкуренции?

Во времена СССР страна могла построить в любой глуши завод-гигант и с первого дня обеспечить его работой в три смены.

Для этого она располагала достаточными мобилизационными возможностями и бездонным рынком, пребывающем в условиях вечного дефицита во всём.

Люди могли прозябать во временках и ходить в ватниках, но завод под боком исправно выдавал продукцию.

Независимо от её качества никакая конкуренция ему не была страшна.

Тому надёжной защитой служили Госплан и «железный занавес» от окружающего мира, сооружённый не только для людей, но и товаров.

Если же эта продукция вдруг оказывалась действительно никому не нужной, то её время от времени само государство и списывало.

Сейчас же на дворе совсем другие времена.

Я не призываю отказываться от технического перевооружения или, тем более, возвращаться к сохе и лопате, а констатирую факт, свидетельствующий, что проблема перевооружения не столь однозначна и для своего решения требует не только денег.

Здесь необходим высший пилотаж в области менеджмента как отраслевого, так и регионального.

В этом деле грамотное администрирование способно обеспечить мощный прорыв в социально—экономическом развитии республики, а ошибочное приведёт, помимо выбрасывания денег на ветер, ещё и к усилению социальной напряжённости, вызванное ростом безработицы.

То есть, опять возникает вопрос об управленцах, способных ответить на вызовы времени.

И в заключение – раз уж в настоящей публикации неоднократно затрагивались проблемы кадров – хотелось бы заметить, что было бы ошибкой видеть их решение только в подборе подходящих фигур для каких-то отраслевых кабинетов.

В республике необходимо выстраивать правильную институциональную среду, предназначение которой поддержка, а, если необходимо, то и формирование у этих фигур должной мотивации.

Первый признак неправильной среды – конфликт между личным и корпоративным интересами в работе менеджера, который может нивелировать его профессиональные достоинства.

Мало того, отдавая предпочтение личным, чем выше его профессионализм, тем больший вред он может нанести интересам корпоративным, общественным.

А вот правильная среда обеспечивает совпадение векторов обоих интересов, что исключает конфликт вообще.

Простой и в то же время актуальный пример – объективно, любой корпоративный интерес заключается в подборе работников по критериям профессионализма, а руководитель почему-то отдаёт предпочтение другим – родство, национальность, землячество, сосед, одноклассник, друг детства... «Не вини коня, вини дорогу» – значит, что-то не так с институтами.

С большей долей вероятности можно предположить, что эта организация функционирует в искусственно созданных условиях отсутствия внешней конкуренции, ставящей результаты работы условием выживания её и, соответственно, руководителя; отсутствия контроля и ответственности за результаты работы; минимизации риска неотвратимости наказания; извращения института личной репутации...

Неправильная институциональная среда либо отторгает правильного менеджера, либо приручает играть по её правилам.

Точно так же среда правильная отторгает неправильного менеджера, либо приручает или даже заставляет его играть уже по её правилам.

К сожалению, в течении уже долгих лет мы наблюдаем тотальное преобладание именно неправильных институтов и такое бытие, как и заметил в своё время Маркс, не может не определять сознание тех, кто обитает в сформированной ими среде.

Сегодня мы все, за исключением разве грудных младенцев, являемся носителями сознания, изуродованного бытием.

Так будет всегда, пока существуют неправильные институты, исправление которых возможно только при наличии воли и решительности первых лиц, будь то страны или республики.

Экономический совет при Президенте

Президент Дагестана учредил Экономический совет. в котором он сам и председательствует.

Отлично. Посоветоваться с умными людьми всегда полезно.

Однако, посмотрим на мнение о роли и месте совета заместителя председателя М. Чернышёва и секретаря М. Дохоляна – фигур, полагаю, ключевых, изложивших его в «Черновике»:

«Цели должен ставить президент, а главная задача Экономсовета – оказывать ему помощь в выборе и обосновании этих целей.»

Трудно что-либо возразить. Но дьявол, как известно, в деталях.

Что, конкретно господин Чернышёв понимает под помощью в выборе и обосновании?

«Чем занимается власть от клерков до членов правительства? ...решением тысяч текущих вопросов.» Ей некогда «сесть и подумать о чём-то перспективном...»

А «Нужно изобретать что-то принципиально новое. И внедрять это новое в жизнь.

И нести ответственность за результаты...».

Надо понимать, всё это «планов громадьё» предстоит Экономсовету и посему при нём будут «секретариат, общественные приёмные, рабочие и экспертные группы».

Правда, не совсем понятно, в чём должна заключаться «ответственность за результаты» для членов совета – фактически общественников, но это – детали.

В целом же получается, что, игнорирующие перспективу и не несущие за это ответственность, глава правительства, его заместители и министры это вовсе и не правительство в общепринятом смысле, а «пожарники» и поэтому нужна структура, которая будет заниматься масштабным, вечным.

Попутно возникают ещё вопросы:

– А для чего тогда в Экономсовет введён, например, «безответственный» вице-премьер, занимающийся «решением тысяч текущих вопросов», которому, как нам рассказали, не до перспективы?

Он в нём станет более ответственным и дальнзорким?

– А какие роли в совете предназначены «безответственному» премьер-министру или председателю народного собрания?

Они тоже будут «изобретать принципиально новое» и «внедрять»?

И как это будет выглядеть?

И что мешает им делать это у себя на рабочих местах?

Или они будут освобождены от решения «тысяч текущих вопросов»?

Тогда, кто вместо них?

А как директор завода – член совета должен разрабатывать и внедрять перспективу?

Не своего завода, а республики?

А каков должен быть штат совета?

Наверное, никак не меньше, чем у Минэкономики.

Правда, непонятно, зачем тогда нужно это самое Минэкономики.

А как всё это согласуется с одновременным утверждением того же господина Чернышёва, что «ошибочно полагать, что общественные советы дублируют работу чиновников» и утверждением господина Дохоляна, что совет не разрабатывает стратегию, а лишь даёт экспертную оценку?

Правда, тут же сообщается, что разработкой стратегии занимается один из членов совета – сам разработал, сам оценил.

Когда же секретарь совета в своём интервью, рассуждая о концепциях и доктринах, заявляет, что «общая идеология доктрины» может меняться хоть через год, но сама доктрина должна приниматься «на достаточно длительный период» – стены не трожь, а фундамент можешь передвигать, то уже не знаешь, что и подумать.

Господа с энтузиазмом нацелились совершить революцию в экономике республики.

Энтузиазм – это похвально, но трудно удержаться ещё от одного вопроса:

Неужто разработчики прежних программ и механизмов были недотёпами, не способными сработать хоть на троечку и поэтому всё так и осталось на бумаге?

Дело, оказывается в том, что не было «персональной ответственности за результаты реализации» поскольку «принимают программы одни чиновники, а к концу срока реализации их кресла занимают совсем другие».

Так ведь «к концу» же. Значит, программы должны были выполняться хотя бы на 50%, а не оставаться на точке замерзания.

Теперь что, запретить увольнять и увольняться чиновникам пока они не выполнят предначертанное? Иначе, получается, очередную программу или стратегию ожидает судьба предшественницы.

Ещё одна причина неудачи – программа создавалась не имея «определённые целевые установки».

Ну, это, я думаю, товарищ погорячился.

Ладно, целили разработчики, возможно, и не туда, но чтобы совсем никуда не целили... или прежние разработчики программы были всё-таки недотёпами?

Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что?

И потом, если идёшь даже «не знаю куда», то всё равно, ведь, куда-нибудь да приходишь.

А нам сообщают, что движения не было вообще. Даже в неправильном направлении.

Выполнение программы просто в ступоре.

Оба советника едины в том, что и разрабатываемая ныне стратегия до 2020 года обречена на неудачу, поскольку нет ещё доктрины, концепции и основных тезисов экономической политики.

Опять без руля и ветрил?

Пусть не утверждённые властью, но, неужто, хотя бы для себя самих, разработчики не определились в этих вопросах, если даже и не обозвали их так, что аж дух перехватывает – доктринами и концепциями?

Неужто, об этом не будет ни слова в первых главах стратегии?

Опять одни недотёпы! Что заказчики, что исполнители.

Занимаются (тьфу ты!) стратегией, не озаботившись целью, доктриной и концепцией?

«Поднимем техническое задание Минэкономики РФ на разработку Стратегии.

Читаем: *«Стратегия должна способствовать обоснованию ключевых долгосрочных ориентиров (целевых показателей) в экономике и социальной сфере...»* А где же сами ориентиры? Кто-то может их назвать? В ответ – тишина.»

Попробую предположить: А может Минэкономики этим заданием предлагает стратегам самим прикинуть и представить на рассмотрение некие ориентиры?

Ведь цель то можно поставить и о-го-го какую! И удвоить, и утроить...

А вдруг окажется, что стратегия, которая *«должна способствовать...»*, напротив – никак не видит возможности достижения установленного свыше или наоборот, окажется, что планку можно поднять ещё выше?

Зачем же жёстко привязывать к заранее заданному результату?

Цели и стратегия – категории взаимозависимые.

Их успешная разработка возможна только в творческом процессе постоянного общения и корректировки взглядов заказчика и исполнителя.

Для начала же заказчик может просто сказать: Ребята, нарисуйте, как нам обустроить Дагестан в ближайшие десять лет, чтобы получить максимум возможного по части социально-экономического развития.

Впрочем, судя по интервью в Дагправде теперь уже одного из разработчиков стратегии (Цапиева О.), проблем с доктриной она не видит.

Ну и правильно.

Правда, из её слов, невольно приходишь к выводу, что действующая сейчас программа развития (до 2010 года) уж точно никуда не годится, поскольку разрабатывалась, всё-таки, не имея стратегии.

Интересная тенденция. Каждый последующий считает своим долгом нивелировать труды предшественников.

Было бы любопытно выслушать заодно и разработчиков программы развития.

Лично мне невыполнимость действующей программы (2010) была очевидна ещё до её принятия, но вовсе не из-за отсутствия целей, стратегии или предполагаемых отставок исполнителей.

Просто, она стоила 120 миллиардов рублей (ежегодные инвестиции, соизмеримые с бюджетом республики!), а реальность привлечения даже трети выглядела эфемерной.

Вот и всё. «Утром деньги – вечером стулья».

Естественно, возникает вопрос: – А что же видели заказчики и разработчики?

Могу лишь предположить, что власть настолько жаждала инвестиций, что разработчики не решались её разочаровать, ну и нарисовали соответствующую писульку.

Возможно, ещё кто-то кому-то пообещал что-то инвестировать и, на радостях, обещания были восприняты, как гарантийные письма.

Не могу исключить и того, что исполнители были теоретиками, с лёгкостью необыкновенной распоряжавшимися на бумаге чужими деньгами, не представляя реальности. – Схемы, диаграммы, графики роста... Блеск!

Инвесторы будут в восторге.

Тогда, действительно, некомпетентность налицо.

Судя по тому, что советники видят главные причины неудач прежних программ совсем не в равнодушии к ним инвесторов (один лишь господин Дохолян в конце, как-то вскользь, ссылается и на это обстоятельство), то и новая, не исключено, может превратиться в очередной воздушный замок миллиардов на триста. Тоже воздушных.

Впрочем, профессор Цапиева, знает места, где деньги лежат.

Это фонды (пенсионный, медстрах, соцстрах).

Однако, боюсь, что получить их будет невозможно.

Во первых, наши отделения от этих фондов дотационны.

Во вторых, вопросы инвестирования являются компетенцией не местных отделений, а центральных аппаратов.

Ну, и самое главное – такие фонды, как и их коллеги во всём мире, боятся рисков значительно больше любых других инвесторов.

А рисков у нас более чем достаточно и гарантий почти никаких.

Вопроса «где деньги, Зин?» и почему они, с моей точки зрения, не желают вкладываться в программу, я коснусь позже, сейчас же, возвращаясь к началу, хочу заметить, что взгляды М. Чернышёва на место и роль Экономсовета, грозят появлением органа не просто утяжеляющего

структуру управления, а расщепляющего её, нарушая один из основополагающих принципов – единовластие.

Речь идёт о той самой вертикали, без которой исполнительная власть не может нормально функционировать.

(Другое дело, когда под одну вертикаль выстраивают все ветви власти. Но это уже совсем другая тема.)

Кардинальное ослабление роли правительства, вызванное этим, не может не привести к столь же кардинальному снижению его дееспособности.

Что такое правительство, которое не отвечает за разработку и внедрение экономической стратегии и мимо которого все стучатся в соседнюю дверь?

Это правительство без авторитета, которое, к тому же, в случае неудачи не может отвечать за то, к чему не имело отношение.

Лично для меня безусловно, что главным экономическим стратегом должно быть правительство и никто более.

Если же оно действительно погрязло в текучке, то это, прежде всего, признак его некомпетентности и основание для роспуска и формирования нового, а может и пересмотра структуры, но никак не повод для создания ещё и параллельного правительства больших дел.

При правильной организации управления, предполагающей грамотное делегирование полномочий и жёсткую ответственность на каждом уровне, проблемы неработающих унитазов должны решаться жилконторой, не добираясь даже до муниципалитета.

Премьер же и его министры как раз и обязаны заниматься проблемами стратегии и, естественно, тактики.

Именно при правительстве следует создавать экспертные и рабочие группы.

А как же Экономический совет?

Да очень просто:

С одной стороны, это форум, где могут проходить обкатку какие-то идеи президента и самих членов совета с последующей переадресовкой в правительство для более детального изучения и перевода на язык практических документов.

А с другой, когда правительство (само или с подачи президента и его совета) проработает что-либо стратегическое и представит на утверждение президенту, то это опять-таки «пища» для Экономсовета.

Окончательное слово, естественно, за президентом.

Ну, а правительство после этого должно исполнять и нести ответственность.

Такая же схема выстраивается и в отношении законотворческой деятельности парламента.

Всё просто, как таблица умножения – Экономсовет это действительно советник президента и в этом качестве во многом должен быть оппонентом правительства (парламента) при обсуждении программ. Ничего более.

И ещё: В таком совете, как мне представляется, не могут состоять ни депутаты, ни члены правительства, поскольку именно органам, которые они представляют, предстоит ему оппонировать, и сидеть они должны по разные стороны.

«Коллапс» экономики

«Экономика Дагестана находится в системном кризисе... Что есть кризис? Это некое опасное состояние. А что такое системный кризис?...». Понятно дело – нечто совсем ужасное (это я уже от себя).

Вот такое вот мнение заместителя председателя экономического совета при президенте РД Михаила Чернышёва. Нужно сказать, что господин Чернышёв вовсе не одинок в своей оценке. Я упомянул о нём только потому, что его имя в последнее время чаще всего на слуху. Мнение же это, с той либо иной степенью апокалипсичности, культивируется в Дагестане практически всеми.

А разве оно не верно?

Заводы-фабрики стоят, безработица – массовая, доходы населения ниже плинтуса, выращенного хлеба хватает только на месяц, живём на содержании Москвы. «Великая депрессия».

Отталкиваясь от неё, выстраиваются и программы «что делать».

Нужны заводы, заводы и ещё раз заводы..., высокие технологии, непременно высокие..., продовольственная безопасность..., туризм, непременно, туризм...

Инвестиции, инвестиции, инвестиции!

Естественно, вооружившись для начала целями, доктринами, концепциями и конечно же, стратегией.

Возразить, вроде, нечем.

Правда, несколько смущает количество иномарок на километр дорог, строительных лесов на гектар поселений и переполненные самолёты в Москву по билетам стоимостью (только в один конец!) в две среднемесячные зарплаты, которые подсчитал родной Дагстат. Десятки тысяч пассажиров в месяц. А вроде должны летать пустыми.

В Махачкале ежедневно сотни тысяч (!) «обнищавших» пассажиров маршруток не считают нужным брать рубль сдачи с десятки, которую вручают водителю.

Что до инвестиций, то кто ж в здравом уме, от них откажется? Даже в самых благополучных экономиках.

Общеизвестно, что наиболее высокая оборачиваемость капитала имеет место в торговле, сфере услуг, лёгкой и пищевой промышленности.

Именно там обеспечивается его быстрое накопление, откуда он, собравшись силами, перетекает в другие отрасли. Этот путь в своё время проделали «азиатские тигры».

Китай, над ширпотребом которого мы продолжаем посмеиваться, завалил им весь мир и, раскрутившись, на этих деньгах, теперь уже нацелился завалить мир электроникой и автомобилями, а заодно начал работать над программой полёта на Луну (!).

Так вот, если посмотреть на экономику Дагестана с такой точки зрения, то окажется, что мы идём по этому же классическому пути и речь должна идти ни много, ни мало, а об экономическом чуде.

До Швейцарии и Швеции нам ещё далеко, но, думаю, по числу и качеству магазинов, ресторанов, АЗС, развлекательных учреждений и прочих объектов торговли и услуг Дагестан в состоянии конкурировать с наиболее развитыми регионами России.

Что касается лёгкой промышленности, то наша «лакская» обувь не только безраздельно занимает свой сегмент в республике, но и совершает экспансию по России.

То же самое можно сказать про мужскую и женскую одежду.

А производство мебели или строительный бум, который тянет за собой длинную цепочку производств стройматериалов и строительных изделий самого разного назначения?

А выпуск алкоголя и безалкогольных напитков, кондитерских изделий, продуктовых полуфабрикатов?

Может у нас перебои с хлебом? Население растёт и ест, как и раньше, трижды в день.

А где теперь «ножки Буша», которых вытеснили «кумыкские» куры?

А основной для республики транспорт – автомобильный? Разве потребности в пассажирских и грузовых перевозках покрывают не дагестанские, а пришлые перевозчики?

Перечень можно продолжать ещё долго.

Всё прекрасно видно невооружённым взглядом и суждения о нынешней экономике Дагестана, якобы, находящейся в системном кризисе, выглядят как- то неубедительно.

Экономика республики, в основе которой средний и малый бизнес переживает бурный рост.

Если кого-то смущает, что дагестанцы не инвестируют сегодня, например, в машиностроение, то это лишь означает, что норма прибыли с таких инвестиций ниже той, что даёт инвестирование в другие отрасли – в те самые торговлю, услуги, лёгкую и пищевую промышленность.

Рыночная экономика, действительно, экономна.

Уже начал подтягиваться гостиничный бизнес и туризм. Не тот убогий, государственный, а относительно приличный частный.

А вообще-то, почему под экономическим развитием должны пониматься только заводы – гиганты и дымящие трубы?

Не следует особо попадать и под гипноз красивого термина «высокие технологии».

На заводы по производству микрочипов или автомобилей технологию привозят из метрополии, а от аборигенов для работы на конвейере достаточно интеллекта обезьяны.

Рядом с ними продавец шаурмы смотрится профессором.

Впрочем, ничего против таких заводов я, в принципе, не имею.

Бьём в фанфары, что у нас где-то там наметились цементный завод, медный рудник, нефтяная вышка...

А нам они нужны?

Мы хорошо взвесили то, что потеряем и что приобретём взамен?

Может кое-кому следует для начала совершить экскурсию на природу в местах традиционного обитания объектов цветной металлургии, а заодно поинтересоваться и здоровьем местных жителей?

Может, лучше зарабатывать на том, что имеем, не копая под экологию?

Нефть на Нью-Йоркской и Лондонской биржах, даже при нынешних её ценах, стоит в несколько раз дешевле питьевой воды, которой биржевики утоляют жажду.

Грубая прикидка показывает, что объем воды, выпиваемый (а не потребляемой вообще) населением земли, в 4—5 раз больше мирового объёма добычи нефти – безбрежный рынок.

Это было довольно неожиданно, но тут же вспомнил давний телерепортаж об одном из регионов ФРГ, экономика которого почти полностью основана на воде, разливаемой там и развозимой по всей Европе, обеспечивая «водяным» немцам вполне общенемецкий уровень жизни.

Почему мы с придыханием говорим о строительстве на берегу моря некой «немецкой деревни»?

– К нам приехал, к нам приехал Он – инвестор дорогой!

Разве кто-либо слышал о проблемах с инвестициями, например, в Барвихе?

Разве в Махачкале, если посчитать суммарно свои новострои, итак не идёт ежегодно строительство во много раз масштабнее «деревни»? И всё на деньги местного бизнеса.

Пусть и «немцы » строят, хотя, если создать такие же условия для местных инвесторов, может, и они создадут пул и тоже что-нибудь такое выстроят.

Невольно возникает вопрос: Если всё так хорошо, то отчего же всё так плохо?

– А что плохо?

Если по вечерам в рестораны и банкетные залы не пробиться, если стоимость сотки земли в центре Махачкалы достигает ста тысяч долларов это вовсе не признаки кризиса.

Речь-то идёт не о двух-трёх ресторанах и чрезвычайно тонком слое лиц, сделавших состояние, присосавшись к бюджету или жируя на взятках – пир во время чумы.

Не следует считать, что тысячи особняков и автомобилей приобретаются только на разворованные бюджетные деньги. Доступ к ним имеют далеко не все, да и пенсию или зарплату, всё-таки платят. Значит, не особо поживишься.

Другое дело, госинвестиции с дутыми сметами, фальшивыми тендерами и откатами.

Но опять таки, доступ к этим источникам имеют далеко не все.

В Дагестане, независимо от бюджета, благодаря собственной предпринимательской активности, сформировался достаточно внушительный слой среднего класса.

По моим довольно осторожным подсчётам, они ежегодно инвестируют порядка 1,0 – 1,5 миллиардов долларов.

Иначе двузначные цифры роста за последние годы были бы невозможны.

Да. Есть, бедняки, с трудом сводящие концы с концами и даже хуже.

Их немало и о них не следует забывать, но не следует рисовать картины поголовной разрухи и нищеты.

Согласитесь, что рецепты, прописанные стратегией развития экономике «великой депрессии» и экономике в состоянии бурного роста, должны быть вовсе не одними и теми же.

Выбор не тех путей из-за ошибки в определении места старта и состояния стартующего, скорее всего, приведёт не туда.

Тезис, что без правильно сформулированной задачи невозможно её решение, актуален не только в математике.

P.S. Экономика действительно находится

даже не в системном кризисе, а в состоянии клинической смерти.

Но не та, что я описал и которую не видит господин Чернышёв, а та, которая состоит из заводов-динозавров советской эпохи, агония которой столько лет продлевалась государством и всевозможных ГУПов и МУПов, присосавшихся к бюджету.

Здесь он, действительно, прав.

«Паразитирующая» торговля

«В Дагестане активно развивается лишь два вида деятельности: торговля и строительство. И в итоге формируется потребительский или даже паразитический образ экономики». Заявление – удивительное потому, что звучит не из уст обывателя, а учёного-экономиста, доктора наук, мало того – секретаря эконосовета при президенте Дагестана С. Дохоляна. Ему вторит коллега М. Чернышёв – заместитель председателя эконосовета, считающий, что «в Дагестане сформировалась структура экономики „паразитического типа“, нацеленная не на производство новой стоимости, а на потребление уже созданной» – то есть, всё та же торговля.

Удивительно не то, что, вопреки мнению этих экономистов, даже обыватель относит строительство к столь любимой всеми сфере материального производства (кляня «торгашей», он, вроде, никогда не упоминает заодно и строителей).

Удивительно то, что торговля воспринимается советниками как нечто паразитическое, не создающее ничего, с которым приходится мириться, как с неизбежностью.

Гони её в дверь, так она влезет в окно.

С этой точкой зрения перекликается и позиция профессора Цапиевой, которая считает, что если бы республика сама производила большую часть потребляемых населением товаров, а не завозила извне, то дотационные деньги, получаемые из Москвы и тратящиеся бюджетниками на закупки, развивая при этом у нас, как она выразилась, сферу услуг, оставались бы в самой республике и работали на развитие её экономики (сфера услуг, включающая, надо понимать и торговлю, это по Цапиевой, вроде, как и не экономика).

А сколько лет внушаются народу эти расхожие «истины»?

Если Экономсовет и стратеги будут «воспитывать» президента на таких взглядах, можно представить, сколь ущербные концепцию и стратегию развития республики можно получить на выходе.

О месте торговли в экономике попозже, а пока о закупках, уводящих деньги из республики:

Вот, хотим мы производить именно у себя, например, всё необходимое молоко.

Для этого, разумеется, нужны коровы.

Их выращивать самим или закупать, уводя из республики деньги?

Коровам нужны корма, для производства которых, в свою очередь, нужны семена, удобрения, сельхозтехника и ещё много чего.

Их тоже у себя производить или закупать на стороне?

Перечень можно продолжать бесконечно.

Здесь невольно вспоминается глава нашего правительства девяностых годов (очень, кстати, толковый мужик), который почему-то проповедовал, что главная беда дагестанского машиностроения в том, что заводы выпускают лишь комплектующие к изделиям, которые собираются за пределами республики, куда и стекается основной доход от продаж конечного продукта.

А я в это время думал: Отчего тогда процветает всемирно известная корпорация BOSCH, специализирующаяся на производстве комплектующих для автомобильной промышленности, не претендуя никогда на производство автомобилей целиком?

Так вот, будь то торговля пирожками, производство молока или микросхем, главным является наличие рабочих мест.

Если они имеются, значит, труд людей востребован, они им заняты и генерируют добавленную стоимость.

Работодатель получает доходы, платит зарплату, налоги...

Что ж теперь, закрывать магазин только потому, что это не сфера материального производства.

Но он же востребован, раз работает.

Раз предприниматель вложил деньги не в коровник, а в магазин, значит, в данное время в данном месте это экономически более эффективно.

Власть в предвкушении налогов должна радоваться, а не делать кислое лицо.

Если большинство дотационных денег уходит из республики, но люди не берут сдачи в маршрутках и наблюдаются двузначные цифры роста экономики, значит, помимо дотаций имеются ещё иные более мощные источники поступлений денег в республику. Иначе не сложится баланс, поскольку права собственной денежной эмиссии Дагестан, как известно не имеет.

Есть такое микро государство – Монако, где нет никакого материального производства и практически всё завозное. Однако, торговля и услуги стабильно обеспечивают ей уровень жизни, о котором мы только можем мечтать.

Неправильное, получается, государство.

«Советский» комплекс осаждённой крепости может породить далеко не оптимальную стратегию развития республики, поскольку принцип рыночной экономики заключается в максимизации стоимости бизнеса, а не уровня самообеспечения региона.

Здесь же невозможно не затронуть и тему продовольственной или какой иной безопасности:

Какая безопасность в условиях глобализации?

Боязнь, что нам что-то вдруг перестанут поставлять?

Это такая же глупость, как и боязнь (во всяком случае, декларируемая) Запада, что Россия может прикрыть нефтяной или газовый вентиль.

А разве Россия не должна бояться, что вдруг Запад перестанет покупать у неё энергоносители?

Проще говоря, главное – иметь то, что пользуется спросом и приносит доход, в том числе, в бюджет.

Будут деньги, всё остальное не проблема – поставщики выстроятся в очередь.

Эти примеры приведены мною вовсе не с целью отрицания целесообразности организации производства молока или компьютеров, а чтобы показать, что отрицательное отношение к торговле это нонсенс.

Вот к ней более конкретно и перейдём, начав с той самой добавленной стоимости, которую она, якобы, не создаёт.

В создании добавленной стоимости точка ставится вовсе не в стенах производителя продукта, а только при попадании его к конечному потребителю, поскольку продукт создаётся не для того, чтобы хранить его на складе.

Продукт, для которого невозможна «встреча» с покупателем, не имеет никакой стоимости, как бы дорого не обошлось его производство, ибо стоимость это мера, определяющая степень его полезности для покупателя.

В зависимости от того, как и куда осуществляется поставка (опт, розница, франко-порт отправления, франко-порт назначения...), существует масса видов стоимости, в которых отра-

жаются издержки не только производственные, но и логистические, и торговые, связанные с этим.

В мире, если взять величину стоимости товаров массового потребления у конечного потребителя, то на производство в ней приходится порядка 40—50%, на логистику где-то 10% и торговлю порядка 50%.

Соответствующие соотношения между производством и торговлей складываются и с величиной добавленной стоимости.

Соотношения эти формируются не по приказу свыше и не из-за хитроумия торговцев, а благодаря чувствительности рынка, реагирующего на издержки в каждом звене цепочки от производства товара до доведения его к конечному потребителю. Причём, все её звенья равнозначны.

Отношение к торговле как к системе, паразитирующей на покупателях, это отрывка времён социалистического производства и тотального дефицита.

Зайдите в любой книжный магазин.

В разделе экономической литературы вы, в первую очередь, обнаружите массу книг о том, как правильно вести продажи, а не производство.

А почему?

Да потому, что в условиях рынка, прежде чем начать производство чего-либо, необходимо решить очень непростую задачу – как будет реализоваться произведённое.

Это азбука маркетинга.

Торговля есть равноправный участник в неразрывной цепочке создания добавленной стоимости, требующий не меньше технологий и квалификации персонала, чем сам производитель и от обязанности платить вполне реальный налог на эту стоимость её ещё никто не освобождал.

Здесь же будет, наверное, уместно коснуться ещё одного вопроса:

Когда некоторые журналисты негодуют о так называемых перекупщиках, которые не подпускают до прилавка производителей, то они, наверное, не подозревают, что демонстрируют этим собственное невежество.

Разве недостаточно простого здравого смысла, чтобы понять, если фермер будет стоять у прилавка, у него не будет времени заниматься фермой?

Вздумай же он создать собственную товаропроводящую сеть (склады, транспорт, торговые точки), то создание и содержание её потребует немалых средств, для чего придётся поднять цену на продукт и, в конечном итоге, она окажется той же, что сложилась на рынке у так называемых перекупщиков.

Если всё то же молоко на ферме стоит, например, десять рублей, а на рынке – двадцать пять, это вовсе не значит, что фермер, явившись на этот рынок самолично, будет торговать им за десять.

Проводимые ежегодно в Махачкале осенние сельскохозяйственные ярмарки, куда приезжают сами производители, яркое тому свидетельство.

Цены на них обычно лишь на 15—20% ниже рыночных и, самое главное, эта акция длится только один день.

Более длительный срок производители просто не могут себе позволить.

А кушать, как известно, хочется всегда.

И ещё, стоимость того же молока на рынке формируется не количеством перекупщиков, стоящих между фермером и покупателем, как считают обыватели и журналисты – популисты, а количеством самого молока на прилавках и покупательной способностью населения.

Если молока меньше, чем способных и желающих приобрести его, то цена автоматически поднимается, отсекая этим покупателей с меньшей покупательной способностью, ну и наоборот.

Именно поэтому рыночная экономика не знает, что такое дефицит.

Безусловно, на ценообразование влияет множество факторов, но в, конечном итоге, цена это всегда производная от количества денег в кармане и товара на прилавке.

Полагаю, что для экономистов ничего нового этим я не сообщил.

С древнейших времён города возникали только на торговых путях.

Когда путь почему-либо исчезал, вместе с ним исчезал и город или, в лучшем случае, приходил в упадок.

Свежий пример – унылое прозябание Буйнакса после строительства объездной дороги от Левашин к Махачкале, когда основные транспортные потоки пошли мимо.

Звание третьей столицы Нижний Новгород в своё время получил благодаря знаменитой ярмарке, давшей мощный импульс развитию города.

Основой нынешнего процветания Москвы являются торговля, услуги и строительство, а не давно скончавшиеся гиганты типа ЗИЛ и АЗЛК.

Торговля выгодна ещё и потому, что тянет за собой целый шлейф инфраструктуры – гостиницы, склады, пути сообщения, транспорт, связь, финансы, безопасность...

Мало того, наличие уже действующей товаропроводящей сети не может не стимулировать и развитие столь милой нашему сердцу промышленности, ориентирующейся на подпитку этих сетей.

Так сложилось (и не случайно), что в настоящее время торговля и услуги стали основой экономики Дагестана. По объёмам создаваемой добавленной стоимости они вне конкуренции и поэтому не может быть и речи о том, чтобы дальнейшему развитию этих отраслей и связанной с ними инфраструктуры не было уделено должного внимания в общей стратегии развития республики.

Если, конечно, действительно желаем, чтобы развитие было успешным.

В отрасли сформировался мощный кадровый потенциал, отработаны связи, каналы закупок и поставок, накоплен капитал. То есть, имеются хорошие стартовые условия для перехода на новый более качественный уровень.

Могу предложить в этом деле и цель – превращение республики в один из крупнейших центров – хабов (а лучше – в крупнейший) оптовой торговли на Кавказе.

То есть, чтобы за товаром ездили к нам, в том числе и из Москвы, Баку и Пятигорска, а не наоборот.

Кстати, такой подход вполне укладывается и в концепцию создания транспортного коридора Север-Юг и развития туризма (шоп-туры).

«Где деньги, Зин?»

Персонаж из анекдота говорит, что у него имеется семь причин не играть в карты, и начинает перечислять: Во первых, у меня нет денег...

Затрагивая ранее о причине ступора программы социально-экономического развития республики до 2010 года, я назвал отсутствие денег.

При отсутствии инвесторов рассуждения о прочих факторах, которые, безусловно, могли бы повлиять на результаты её выполнения, теряют всякий смысл.

О жалобах предпринимателей, готовых инвестировать во что-то из программы, на её изъяны, поскольку нет доктрины (стратегии, концепции ...) или препятствия со стороны чиновников вроде не было слышно.

В то же время, почти каждый день можно увидеть в телевизоре кого-либо, жаждущего что-то построить, купить или посеять, обижающегося на государство, которое не желает помогать ему деньгами в этом благородном деле.

Чтобы при разработке Стратегии 2020 в очередной раз не наступить на те же грабли, нужно, прежде всего, попытаться понять причины того, почему капитал проигнорировал программу 2010.

Разделим инвестиции условно на две категории – государственные и частные.

Государственные у нас, в свою очередь, имеют тоже два источника – бюджетный и от бизнес – структур, где контрольный пакет принадлежит государству.

Бюджетные вливания, прежде всего, направлены в социальную сферу (школы, больницы, ЖКХ...) и прямое оперирование рыночными понятиями здесь невозможно.

Что касается бизнес-структур, контролируемых государством (Газпром, РАО ЕЭС...), их поведение в стране тоже определяют далеко не рыночные факторы и суждение по нему об инвестиционном климате в республике, может сформировать искажённую картину

Общее для этих инвестиций является то, что их величина, помимо прочего, зависит и от лоббистских качеств дагестанского руководства.

Поэтому вина за отсутствие должного инвестирования из государственных источников, ложится на заказчика программы, который не смог их обеспечить.

В этом деле разработчики, скорее всего, полагались на его заверения, что деньги будут, и поэтому их в чём-либо упрекнуть сложно.

Не исключаю и то, что какие-то средства выделялись, но не были использованы по назначению.

Это опять таки, вина заказчиков, а не разработчиков.

Выводы на будущее из всего этого очевидны.

Основной акцент в программе развития делался на участии в ней частного капитала и поэтому особенно важно понять правильно причину именно его пассивности.

Частные инвестиции, опять же, условно разделим на две категории: Инвестиции бизнеса функционирующего на территории республики и инвестиции бизнеса (в том числе и дагестанцев), расположенного за её пределами.

Почему же на программу не откликнулись ни те, ни другие и каковы шансы, что они откликнутся на очередную?

Внешние инвесторы не откликнулись, посчитав, что преференции, обещаемые республикой, не в состоянии покрыть имеющиеся риски.

Это не предположение, а утверждение и основано на вполне объективном законе движения капиталов (туда, где безопаснее и высшее норма прибыли).

Мы нередко обвиняем центральные СМИ, смакующие негатив при освещении обстановки в республике тогда, как на самом деле, всё не совсем уж и плохо.

Безусловно, подобный пиар из центра не улучшает инвестиционный климат, но почему, кроме инородцев (назовём их так) не откликнулись и предприниматели-дагестанцы, проживающие за пределами республики?

Уж они-то знают, что заводы-фабрики здесь никто не взрывает, и террористы сегодня, воюют, главным образом, с правоохранителями.

Значит, даже если не реагировать на стрельбу, оставшиеся риски перевешивают блага, которые могут принести инвестиции.

Достаточно показательным в этом деле является поведение Сулеймана Керимова.

Считается, что он решил инвестировать в республику сто миллионов долларов (вообще-то, при его активах и почти пяти миллиардной программе развития республики не ахти какие деньги).

На самом же деле это не инвестиции в традиционном смысле.

Если в восторженных сообщениях СМИ о происшедшем видеть то, что написано, а не что всем показалось, то он их просто дарит Дагестану. На его – Дагестана усмотрение.

А дарённому коню, как известно, в зубы не смотрят.

Спасибо.

Лично у меня сложилось впечатление, что сделано это из чисто благотворительных соображений, а к ведению собственного бизнеса в Дагестане Керимов никакого интереса не испытывает.

Во всяком случае, каких-то сообщений на этот счёт не было.

Как же так, на родине, где для него, вроде бы, должно быть комфортнее всего, необозримое поле деятельности, безусловная, надо полагать, поддержка руководства республики, а он держится подальше?

Ведь многое лежит прямо на поверхности:

Почему бы ему, например, не вложиться в виноградарство и виноделие, выстроить сильную вертикально интегрированную компанию и стать, помимо прочего ещё и крупнейшим в России виноделом?

Разве при умелом менеджменте капитализация этого бизнеса за несколько лет не может возрасти во много раз по отношению к инвестированному?

Да и те же сто миллионов он мог не подарить, а вложить сам в какие-либо проекты и, возможно, для республики это было бы лучше, чем доверяться чиновникам.

Ну и прибыль имел бы.

Конечно, может оказаться, что он очень сожалеет, но профиль его бизнеса и инвестиционный профиль Дагестана далеки друг от друга. Не судьба.

Ну, тогда и обсуждать нечего.

Я не особо интересовался структурой бизнеса Керимова, но, насколько известно, он не имеет узкую специализацию и довольно разнообразен.

Поэтому с куда большей вероятностью могу предположить, что зоны совпадения имеются, а если и нет, то он все равно всегда готов вложиться во что-то интересное..

А если так, какие же риски могут удерживать от инвестирования?

Прежде, попытаюсь ответить, какой риск его не может пугать, поскольку он сметёт его весом своего капитала, но который не может не удерживать тех предпринимателей, которые таким весом не обладают.

Ведь республиканская программа развития вовсе не ориентирована только на миллиардеров из «Форбс».

Речь идёт о риске потери бизнеса.

Если понравится, его просто напросто могут отобрать.

Найдут причину, подставят, подсунут что-либо, оболгут, запугают, наконец.

Менталитет такой у нас сложился.

А складываться он начал ещё за пределами республики, где немало наших земляков считали за доблесть кого-то «кинуть» в бизнесе.

Разве является тайной, что и сами дагестанцы, ведущие там успешный бизнес избегают иметь какое-либо дело со своими земляками.

Даже просто принять к себе на работу?

Безусловно, идеальной среды для предпринимательства нигде не бывает. Предпринимательство это всегда риск.

Но до тех пор, пока уровень риска потери бизнеса будет таким, какой он сегодня, в Дагестан эта категория бизнесменов, за исключением возможно отдельных любителей, вкладываться не будет.

Что делать?

Менять менталитет, безусловно, нужно, но это дело не одного года.

А вот сделать наш суд действительно независимым и беспристрастным можно куда быстрее и легче.

Это будет гарантией того, что, в случае чего, справедливость всё равно восторжествует – фактор способный значительно снизить уровень риска потери бизнеса.

Теперь о риске, который вкупе с остальными предпринимателями, как мне представляется, неприемлем и для Керимова:

В Дагестане сформировалась своя культура предпринимательства, состоящая из теневой системы экономических связей, особой иерархии ценностей, неформальных личных отношений.

Благодаря им, сложилась довольно устойчивая система перераспределения национального богатства.

Повторюсь, на бюджете паразитирует довольно узкий слой, имеющих доступ к нему.

Вместе с тем практически каждый предприниматель, скорее всего, даже не думая об этом, через систему неформальных связей делится своим доходом, подкармливая и работника, и чиновника, и преподавателя, и врача...

Кому-то больше, кому-то меньше в зависимости от сложившейся теневой иерархии ценностей, но вместе с государственной, основанной на дотациях центра, сложилась вполне сбалансированная смешанная система жизнеобеспечения населения, поддерживающая определённое качество жизни.

Среда эта, к тому же армированная системой национальных и родственных отношений, не может не отторгать, как инородное тело, тех, кто нацелен на честный бизнес или тех, чей бизнес возможен только в условиях прозрачной, правильной экономики, поскольку в иной он просто не будет востребован.

У среды против этого сложился мощный иммунитет.

Не берусь судить о первоначальном накоплении капитала Керимовым, но сейчас, убеждён, его бизнес абсолютно прозрачен.

Слишком многое на кону, что бы позволять себе хоть что-то, способное вызвать подозрение или дать пищу «доброжелателям».

Да и что такое особое это может ему дать?

Так вот, ведение такого бизнеса в нашей среде требует сверхусилий, а успех далеко не гарантирован.

Мало того, адаптация этого бизнеса к реалиям Дагестана несёт в себе серьёзную опасность для его бизнеса находящегося и за его пределами.

Здесь для республики выход только один – такую среду следует разрушить.

Как? Об этом позже.

Ладно. А почему не откликнулись наши местные предприниматели?

Уж они-то итак варятся в этом соку и, значит, наши риски их не пугают.

А это означает, что они видят для себя проекты более куда более выгодные, чем заложены в Стратегии, и, кстати, занимаются ими (я уже в начале писал, что по моим подсчётам сумма таких инвестиций составляет ежегодно порядка 1,0—1,5 миллиарда долларов).

Это значительно больше среднегодовых инвестиций необходимых для успеха программы).

Значит, деньги есть, но они «не слушаются» Стратегии.

Хорошо это или плохо?

С одной стороны, поскольку, сейчас речь идёт о той её части, которая не связана с социальными проектами, то это, вроде бы, хорошо, ибо отдача от вложенного рубля получается выше, чем в проектах Стратегии, а рабочие места всё равно создаются.

С другой... Ну, об этом тоже потом.

Стратегией предусмотрены также определённые направления экономического развития, которые не столь интересны бизнесу сегодня, но направлены на реструктуризацию экономики с прицелом на будущее.

Регулирующая роль государства здесь вполне оправдана, как, вроде, оправданы и инструменты, используемые им для того, чтобы заинтересовать капитал в этих проектах (льготное налогообложение, игра кредитными ставками и прочие преференции).

Инструменты эти классические, но, судя по всему, не сработали. Почему?

Потому, что они работают в условиях цивилизованного рынка, участники которого придерживаются вполне определённых правил игры, оговоренных законами и прочими нормативными актами, а не понятиями.

К сожалению, дагестанский рынок, как уже было показано выше, с самого начала развивается именно по понятиям.

У нас существует две экономики.

Одна – виртуальная – это экономика Дагстата, которая в прострации и вокруг которой, причитая, хлопочут лекари, сочиняя для неё стратегии и программы.

Вторая – реальная, которая дышит здоровьем и растёт как на дрожжах.

Зовут её теневой, хотя она не ютится по тёмным углам и зачастую размещается на людных местах, сверкая огнями рекламы, стеклом и мрамором отделки.

А вообще-то, в действительности, это, не две разные экономики (один цех или завод прячется где-то в подполье, другой на виду у всех – такие тоже есть, но не они делают погоду), а два лика одной и той же экономики.

Одним лицом – отчётным она повёрнута к Дагстату, а другим – реальным к потребителю.

Если статистика фиксирует темпы роста в 15—20%, то это значит, что реальная экономика, возросшая не меньше, показала и в отчёте частицу от этого роста, поскольку слишком уж накладно будет, что-то построив или запустив, делать вид, будто объекта нет вообще.

Так вот, каким стимулом для инвестирования в программу могут служить такой экономике обещаемые льготы по налогообложению, если она итак платит налоги чисто символически?

Мало того, она при этом экономит не только на республиканских и местных, по которым предполагается льгота, но и на федеральных налогах, на которые ничего такого не распространяется.

И тут не в состоянии помочь даже дополнительные льготы на кредитование.

До тех пор пока экономика будет находиться в тени, никакие льготы её не прельстят и никакие программы, рассчитанные на привлечение местного капитала, не сработают, если они не сулят дагестанскому предпринимателю отдачу более высокую, чем в его комфортной тени.

Либо его из этой тени следует выводить.

Как? Об этом в следующей главе.

Говоря об инвестициях, нельзя обойти и тему утечки капитала.

Мы все привыкли слышать об этом в масштабе России, а вот как насчёт утечки из Дагестана?

Одно дело, когда наш предприниматель, развивая свой бизнес, инвестирует в филиалы за пределами республики. Головной офис остаётся в республике и с доходов его филиалов, почти все налоги, не считая подоходных и социальных, поступают в бюджет республики.

Очень даже неплохо.

Только вот про таких практически не слышно.

Куда более известны случаи, когда дагестанцы, выезжая за пределы, создают там самостоятельные и довольно успешные предприятия.

Естественно, этот бизнес никакой связи с бюджетом республики уже не имеет.

Ещё хуже, когда наши достаточно успешные здесь предприниматели выводят свой бизнес из республики.

Происходит это потому, что далеко не все в состоянии адаптироваться к реалиям нашей действительности, о которых написал выше, и нормальный прозрачный бизнес предпочитают пребыванию в тени.

До тех пор пока правильная, нормальная экономика в республике не станет доминирующей, такая утечка будет продолжаться.

Господин Чернышёв в своих публикациях нарисовал довольно впечатляющий портрет коррупции, проникшей во все поры дагестанского общества.

К сожалению, всё так и есть.

Вместе с тем, его пафос направлен на то, чтобы, как в «Интернационале», до основания разрушить и потом...

Для него образ дагестанской экономики – это нечто, находящееся в системном кризисе, которое «проще и дешевле сделать или купить новое, чем исправлять», то есть место которому на помойке.

То, что это далеко не так, я попытался показать выше.

В системном кризисе пребывает вовсе не экономика Дагестана.

В нём пребывает, прежде всего, наша система государственного управления всех уровней (вот тут я с ним согласен), которое в своё время, решая вовсе не государственные, а личные задачи, дало экономике карт-бланш.

Поводья были отпущены, а точнее подменены неформальными связями.

Экономика двинулась путями, регулируемые этими связями, привыкла к ним, окрепла и вдруг обнаружилось, что государственные институты уже давно сами по себе, а экономика сама по себе.

Крепкая такая для своего возраста, мускулистая экономика. Правда, физиономия у неё уж очень плутоватая.

Вот такой вот автомобиль, где водитель вроде есть, а рулит кто-то другой.

И никакой тягач-бензовоз, в принципе, ему не нужен.

Госпожа Цапиева придерживается несколько отличной от Чернышёва точки зрения и, хотя у неё тоже много вполне разумных оценок, делает удивительное заявление: «Не следует бояться теневой экономики... в определенной степени теневая экономика – это благо и уж точно не зло.»

Ведь она создаёт рабочие места, производит что-то нужное.

Если так, надо полагать, что стратегия в разработке которой она участвует, предусматривает мирное развитие белой экономики параллельно с теневой или, на худой конец, просто не замечая её (коли она «уж точно не зло» и даже «благо», разве не глупо ополчаться против?).

Не выйдет. Теневая экономика непременно сожрёт белую.

Простая задача:

Два одинаковых магазина (завода, ресторана...) рядом. Один платит все налоги и белую зарплату, а второй большей частью в тени.

Чем всё кончится при прочих равных?

Ответа два:

Первый – теневик в конкурентной борьбе уничтожит белого соседа, поскольку за счёт экономии на налогах и социальных отчислениях у него будет больше финансовых возможностей, чтобы откупиться от проверяющих, демпинговать и пр.

Второй вариант – белый, чтобы выжить, тоже уйдёт в тень.

Ну, и какой вариант нас устраивает?

Что касается моей оценки дагестанской экономики – это «северокавказский тигр», загрировавшийся дистрофиком.

Однако, её следует уподобить дикому, а не дрессированному тигру. Вместе с тем, в красную книгу такого не занесёшь.

Тогда что, застрелить?

Эти хищники, как известно, довольно опасны. Но с экономикой, тем более, развивающейся бешеными темпами, так поступить невозможно, да и неразумно – нельзя такую мощь и вечный двигатель пускать в распыл.

Её нужно просто очень жёстко, но умело выдрессировать.

В противном случае все стратегии и программы развития будут обречены.

Даже очень умные.

P.S. Меньше всего хотел бы, чтобы под дрессировкой понимался призыв к огосударствлению экономики, диктату государства.

Никто лучше предпринимателя не чувствует запаха прибыли и никто быстрее не получит её.

Забота же государства в том, чтобы были уплачены налоги, без которых ему невозможно полноценно осуществлять свои функции.

То есть, речь идёт всего лишь о приучении предпринимателей к необходимости, как выразился в своё время российский министр финансов Лифшиц, «делиться».

А может не надо никакого укрощения?

Считает, ведь, госпожа Цапиева, что теневая экономика это вообще-то неплохо, поскольку производит нужное, создаёт рабочие места, платит людям... Да и я сам ранее заметил, что, благодаря такой экономике, в дополнение к государственной сложилась и своя система перераспределения национального богатства,.

Ну, сожрет, как показал на примере, теневая экономика белую и что?

Рабочие места останутся, перераспределение тоже.

Могу даже добавить, что расчёты, проведённые мною двумя разными способами, показывают одно и то же – если сейчас вывести нашу реальную экономику из тени, бюджет сразу перестаёт быть дотационным.

Республика сегодня вполне в состоянии сама себя прокормить.

Но тогда мы лишаемся подпитки из центра (!).

«И жизнь хороша, и жить хорошо... А хорошо жить ещё лучше.»

Может, лучше пребывать в комфортной тени?

Так-то оно так, но...

Что ж, придётся быть более обстоятельным раз даже доктор экономических наук столь неожиданно придерживается такого взгляда:

– Во-первых, и это самое главное, теневая экономика приучает нас к, мягко говоря, обману сначала государства, а потом... везде.

Идёт процесс морального разложения общества.

Он уже коснулся всех. Сверху до низу.

От детей до стариков.

Обман стал для нас нормой, лицемерие – правилом хорошего тона.

Но дружно удивляемся: Откуда берётся весь этот негатив во всём?

– А оттуда.

(Кто считает, что уж он-то чист, пусть успокоится, попьёт водички и не спеша подумает. Может, что вспомнит.)

– Во-вторых, именно теневая экономика является питательной средой для коррупции, ну и наоборот.

Эта «сладкая парочка» не способна прожить друг без друга.

– В третьих, невозможно сидеть на двух стульях – желать благ от такой экономики и одновременно от государства качественные медицину, образование, пенсионное обеспечение, отремонтированные дороги... безопасность, в конце концов.

Московские дотации не вечны, и их хватает лишь, извините, для поддержки штанов.

– В четвёртых, у предпринимателя далеко не всё, утаенное от выплаты в качестве налогов уходит на перераспределение, а поступи всё положенное в бюджет, перераспределение было бы более полным и, значит, честным.

Откуда уверенность, что теневое перераспределение более справедливо, чем осуществляемое государством?

– В пятых, аккумуляция средств в руках государства позволяет ему осуществлять социальные и экономические программы, необходимые для развития общества, которые бизнес, по определению, не будет осуществлять никогда.

Можно возразить: Ну, выйдет экономика из тени, наполнятся закрома родины, а чиновники их либо растащат, либо бездарно растратят. И что?

– А то, что бюджет в отличие от теневой экономики, прозрачен и поэтому может контролироваться обществом.

И не надо смеяться.

Общество, члены которого не платят налоги и общество, члены которого платят, есть два разных общества.

Первое – это, извините, стадо баранов, смотрящих в рот государству, ожидая пока оно их облагодетельствует чем-нибудь.

Ведь, государство, игнорируемое ими, в свою очередь, и им, по сути, ничего не должно.

Второе – это общество граждан, члены которого знают, что государство содержится на регулярно отчисляемые ими деньги и заинтересованно следят, как их деньги оно расходует, и очень болезненно реагируют, если они разворовываются или неумело используются.

«Налогоплательщик хочет знать!»

Хочет знать и предприниматель, и его работник.

У каждого свои налоги.

Они убеждены, и по праву, что они содержат государство и оно им должно.

Они не позволят, чтобы кто-то получал откаты из их денег, которые должны быть потрачены в их же интересах.

Общеизвестно, что наиболее благополучными, наиболее комфортными для проживания являются страны с самым низким уровнем коррупции.

Это закономерность.

Если оставить за скобками весь прочий негатив от коррупции, с экономической точки зрения самое неприятное в коррумпированной экономике не столько даже то, что она перераспределяет мимо государства, а то, что она функционирует, нарушая определённые принципы правильного рынка и это, несмотря на демонстрируемую сейчас динамику, никогда не позволит ей выйти на мировой уровень.

Экономику движут две силы – это стремление людей к получению благ и честная конкуренция.

Первая заставляет их искать возможности для обогащения и трудиться в этом направлении.

Вторая – повышать качество, производительность, снижать себестоимость.

Однако, честная конкуренция возможна только при наличии равных условий для всех.

Это тренажёр экономики, который заставляет быть в постоянной форме и поиске.

Она беспощадна, но справедлива.

Конкуренция же связей и приоритета в получения каких-либо преференций всегда ослабляет.

Мышцы становятся дряблыми.

К тому же, прозрачный и поэтому наиболее перспективный бизнес эмигрирует.

Рано или поздно начинается загнивание.

Убеждён, если бы республика не получала изначально никаких расслабляющих дотаций, при грамотном управлении, её экономическое лицо сегодня было бы совсем иным.

Во всяком случае, никакой тени не существовало бы.

«Распиливать» нечего, а выживать надо.

Иначе, народ сметёт.

Коррупция, как правило, ассоциирует у нас с деньгами за что-то – может незаконное, а может даже и законное.

Однако, платят не только деньгами.

Платят и «борзыми щенками», и услугам.

Ты – мне, я – тебе, причём, не за свой, а государственный счёт.

Приведу пример самый безобидный и даже, на первый взгляд, пустячный:

Принял чиновник своего знакомого без очереди.

Вот вам и коррупция.

– Да ты что, брат, заболел что-ли?

Это ж мой земляк (кунак, друг детства, отец родной...)! И ничего я с него не взял, и всё сделал по закону.

– А какое право имеет чиновник красть у каждого в очереди из, например, пятнадцати человек по десять, например, минут дополнительного ожидания и, в результате, подарить за их счёт кому-то целых два с половиной часа, которые тот потратил бы, став в очередь шестнадцатым?

Я – тебе, а потом ты – мне?

Если чиновник такой добрый, пусть придёт в свой выходной и обслужит земляка-кунака за счёт своего личного, а не рабочего, оплаченного ему государством, для которого все посетители равны, времени.

По большому счёту разве не так?

Коррупция она и в Африке коррупция.

Хоть на копейку, хоть на миллиард.

Нельзя быть немного беременным.

Ну ладно, перейдём от самой коррупции, наконец, к борьбе с нею:

Глядишь в телевизор и видишь столько активных борцов с коррупцией, что невольно думаешь: А где же коррупционеры? Их же не должно быть в природе.

Им же просто не от куда взяться, потому что все – борцы.

Нет темы моднее.

Прямо таки «аль-фатиха» в джентльменском наборе любого уважающего себя человека, тем более – политика.

Идёт непрекращающееся сражение нанайских мальчиков, борющихся сами с собой.

И рецепт победы всем известен:

– Принять закон о борьбе с коррупцией!

– Всех коррупционеров снять (посадить, расстрелять), а вместо них набрать чистых и честных!!

– Создать специальные органы по борьбе с коррупцией!!!

Сказано – сделано!

– Антикоррупционный закон уже на рассмотрении в Думе!

– «На Совбезе планировалось объявить о создании специализированного антикоррупционного органа»!

Это я цитирую печать.

Заголовок статьи тоже очень интересный – «Коррупция без присмотра». Сирота, понимаешь.

– Отстранили от должности пару-тройку чиновников (из миллионов по стране или десятков тысяч по республике) и даже неизвестно за что, но уже СМИ торжествуют: Ура! Началась борьба! Обновление!!

Общество буквально оболванивается этими рецептами, про которые долдонят на каждом углу.

Но давайте попытаемся мыслить рационально:

Конечно же, нет предела совершенству, но разве действующее законодательство не позволяет хоть на удовлетворительно справиться с коррупцией?

У кого есть сомнения, может почитать уголовный кодекс.

Вместо того, чтобы законы клепать, неплохо бы подумать, от чего это не работают существующие.

А создание антикоррупционных органов?

Да это же смех.

Коррупция есть противозаконное деяние. Для борьбы с нарушениями закона существуют правоохранительные органы.

Разве их мало или они слабы?

И что такого особенного даст ещё одна бюрократическая настройка?

Надо не бюрократов разводить, а подумать, от чего это столь бессильны существующие.

Не менее утопично и предложение заменять коррумпированных чиновников не коррумпированными.

Где их найти в коррумпированном насквозь обществе? С Марса что ли завезти?

А вдруг и там коррупция и мы по не знанию не тех завезём?

Но как же всё-таки быть, если всё действительно сплошной, как говорит мой сын-тинэйджер, облом?

Расскажу одну историю... Нет, даже две:

Первая про Японию, которая после поражения в войне лежала в руинах.

И не только физически.

Просто, она не существовала как государство. Оккупационная военная администрация (США) на каком-то этапе передала власть сформированной ею же местной гражданской администрации.

И тут началось такое...

Короче, тотальная коррупция, воровство, начиная с самых верхов.

По всей стране бесконечные кровавые мафиозные разборки. Делом заниматься некогда и некому.

Страна, как была в руинах, так и остаётся.

Попытки американцев вразумить новоявленных руководителей ни к чему не приводят.

Тогда они никого не расстреливают, не сажают в тюрьмы, не издают антикоррупционный закон и даже не создают антикоррупционные органы.

Они одним махом, не разбираясь, кто, в чём и насколько виноват, снимают всех высших руководителей страны до министров включительно и ставят новых.

Смотрят месяц-другой и видят – лучше не стало.

Операция повторяется.

И так, ещё несколько раз.

На каком-то этапе вдруг всё заработало и работает до сих пор. Уже без американцев.

Как работает, известно всему миру.

Что же такое произошло?

А произошло вот что:

Очередной набор высокого японского начальства понял, наконец-то, что с ним никто церемониться не собирается.

Надо либо работать, либо уходить, либо вообще не претендовать на кресло, чтобы не опозориться, выкинутый на улицу через месяц-другой.

Что очень важно, мягкую площадку для приземления отставникам никто не предлагал.

– Разве небольшая кучка людей в состоянии остановить беспредел в целой стране?

– Правильно.

Однако министр, в свою очередь, даёт знать своим заместителям и начальникам управлений, что никаких церемоний не будет и лучше он снимет их, чем снимут его.

Те, в свою очередь...

Начинается цепная реакция, которая доходит вплоть до рядового клерка в далёкой провинции.

Элементарно, Ватсон.

Главное не тюрьма и антикоррупционный комитет или закон, а требовательность и ответственность без скидок на что бы то ни было и для кого бы то ни было.

Вторая история про небольшое островное государство Сингапур.

Там не было американцев, но в этой клоаке Юго-Восточной Азии, как называли его ещё лет сорок назад и где дела шли даже похуже, чем в поверженной Японии, откуда-то взялся странный премьер-министр.

То ли местные мафиози по ошибке пропустили, то ли он сам был «дон карлеоне», которому надоело жить в клоаке.

Короче, он повёл себя точно так, как американцы в Японии.

Результат получился точно такой же.

Спустя пару десятилетий, ещё задолго до 2000 года Сингапур стали звать уже страной двадцать первого века.

Интересна и дальнейшая судьба реформатора, зовут которого, кстати, Ли Куан Ю.

После нескольких сроков своего премьерства, он сам не стал выставляться на очередной срок и ушёл в отставку.

А благодарные соотечественники придумали ему не должность или пост, а звание, что-то вроде «отца нации», и в этом качестве он здравствует по настоящее время.

На днях именно из Сингапура совершил свой первый рейс единственный пока самый крупный в мире пассажирский авиалайнер Airbus A-380.

И принадлежит он не кому-нибудь, а именно сингапурской авиакомпании Singapore Airlines.

Ближайший год ни у кого в мире такого самолёта не будет.

Вот в США или Китае его нет, а в четырёхмиллионном Сингапуре с четырьмя государственными языками и территорией меньшей, чем у некоторых районов Дагестана, есть.

Дагестан строит капитализм уже более пятнадцати лет и стартовые условия у него были несравнимо лучше сингапурских, и дотации, которых у Сингапура не было, имеются.

Что ж, подождём ещё лет пять... И ли пятнадцать?

Рассказанное не сказка и не ложь, но намёк, конечно же, имеется и он может вызвать вопрос:

– Ладно, министров легко снимать, а как народных избранников – глав администраций? А их и не надо снимать из Махачкалы.

Если в муниципалитете будут прокурор, начальник милиции и пр. пр., знающие, что, если что не так, то их республиканские начальники лично с ними ни при каких обстоятельствах не будут церемониться, потому что и с республиканскими начальниками никто не собирается церемониться, то и они ни при каких обстоятельствах не станут ни с кем церемониться.

Даже с братом, сватом и кумом...

Местная администрация сразу же почувствует, что либо надо заниматься делом, либо уходить. Иначе будут серьёзные проблемы со своими же «санитарами леса».

Всё начнёт работать само собой.

Для прокурора, милиционера, налогового, потребнадзора, ФСБ... даже если они все вместе очень сильно уважают и любят главу администрации, своя рубашка всегда ближе к телу.

Фактор рубашки мгновенно разрушает и клановые, и национальные, и любые иные неформальные связи.

То есть разрушает ту среду, которая держит экономику в тени, и о которой я писал в предыдущей главе.

Личный интерес, понимаешь, должен совпадать с государственным.

Такая вот стратегия, доктрина и даже, страшно подумать, национальная идея.

Дембель

I

То, что действующая власть ни к чёрту, известно всем. Об этом вам поведаст и банкир лондонского Сити (если, конечно, захочет встретиться с вами), и голландский безработный (а с чего бы ему не встретиться за кружкой пива?), и даже кандидат в президенты США Барак Обама, который последние месяцы только тем и занимается, что встречается со всеми и именно для того, чтобы рассказать, как плоха их нынешняя власть.

Ну и, конечно, с этими джентльменами полностью солидарны дагестанцы, которые всегда и с удовольствием готовы пройти по ней – дагестанской, естественно, а не американской или голландской, власти.

И правильно делают, поскольку власть всегда нужно держать в тонусе.

Правда, нередко высказывается мнение, что власть наша страшно далека от народа, её невозможно тонизировать по определению и поэтому следует «до основания, и затем...»

Под властью, как, наверное, уже догадался читатель, я сейчас имею в виду не саму возможность управлять чьими-то действиями, а аппарат управления, занимающийся этим.

В республике на всех уровнях, с завидным постоянством констатируется, что существующая система управления не удовлетворяют требованиям времени. Много разговоров про её нечувствительность, неразворотливость, некомпетентность, коррумпированность и острую необходимость ликвидации этих пороков.

К сожалению, в основном, они носят либо характер перечислений изъянов и так очевидных для всех, либо благих пожеланий весьма общего характера.

Безусловно, в недрах администрации президента и правительства не может не вестись разработка каких-то предложений на этот счёт.

Вспомним хотя бы про существование Комиссии по проведению административной реформы или работу над регламентами.

Внешние результаты этой деятельности, думаю, можно наблюдать в виде каких-то отдельных реорганизаций, однако, стороннему наблюдателю трудно, а зачастую и невозможно видеть в таких актах какую-то систему, поскольку практически никак не объясняется их мотивация.

Реформа же это не появление или упразднение какого-либо министерства, а комплекс мер, приводящих к коренным изменениям в подходах к чему-то.

В нашем случае – к структуре и процессам в системе государственного управления.

Я в последнее время не припомню, чтобы на публичное обсуждение представлялись конкретные предложения комплексного характера, направленные на оптимизацию управления республиканской исполнительной власти.

В этой связи статьи Михаила Чернышёва под общим заголовком «Мобилизация власти» не могли не обратить на себя внимание.

Нужно сказать, что в них имеется немало интересных оценок и предложений, чего, к сожалению, не скажешь о большинстве авторов, выступающих на экономическую тему, однако, общая идеология предлагаемой автором перестройки системы управления основана на сомнительных, как мне представляется, предпосылках, что, в конечном итоге, никак не может привести к повышению эффективности исполнительной власти.

Мало того, она – эффективность, которую в настоящее время вряд ли можно считать высокой, может ещё более снизиться.

Меня смущает уже само словосочетание «мобилизация власти», которое, начиная с заголовка, используется автором.

Оно несёт в себе оттенок чрезвычайности, который более уместен при форс-мажоре и подразумевает концентрацию ресурсов и усилий на их устранение в ущерб всему остальному (вспомним хотя бы Великую Отечественную войну или даже простое наводнение или пожар).

Я лично предпосылок для такого «апокалипсиса» не вижу и считаю, что в части оценки экономического положения республики автор определённо сгущает краски.

К тому же, при всех неприятностях для нас, которые таит в себе финансовый кризис, хуже, чем во времена гайдаровской реформы, когда враз исчезла административно-командная экономика и ничего взамен, а обнищавший народ, привыкший к тотальному патернализму со стороны любимого государства, выброшен на улицу, уже не будет.

И потом, даже если, согласиться, что катастрофа столь близка, то произойти она может не в отдельно взятом регионе, а в масштабах всей страны и инструменты по её предотвращению находятся в руках федеральной, а не региональной власти.

Что касается власти республиканской, то она должна не суетясь выстраиваться таким образом, чтобы была эффективной, работая по всему полю своей ответственности без исключения и не аврально, а нормально.

Работа, тем более, годами в чрезвычайном режиме недопустима.

Если же, счёт до экономической катастрофы пошел чуть ли не на месяцы, то надо думать не о том, какое министерство с каким слить (всё равно ничего не успеем), а сушить сухари и закупать соль и спички.

Что же касается сообщения автора про Минсельхоз, где «создаётся Управление по реализации Стратегии 2020», которое не только не вызывает у него протеста, но даже предлагается создать такие же управления и в других министерствах, чтобы «обеспечить увязку ведомственных целевых ориентиров с единым документом развития – Стратегией 2020», то такой подход уже удивляет.

Это что, один из путей мобилизации власти?

Мне было бы понятно создание министерствами каких-то временных структур с привлечением специалистов разных своих подразделений по принципу программно – целевого управления для разработки предложений к проекту Стратегии 2020, которые потом направлялись бы туда, где формируется единая общереспубликанская Стратегия.

Однако, я никак не могу понять, для чего в любом министерстве может понадобиться Управление по реализации Стратегии 2020.

А чем ещё министерства целиком в пределах своей компетенции должны заниматься, кроме как не реализацией Стратегии?

Что за такие особые «целевые ориентиры» должны быть у них, которым нужно «обеспечить увязку» со Стратегией?

Если она предусматривает выход республики на какие-то объёмы, например, сельскохозяйственного производства, то это и есть главный целевой ориентир, под который должна выстраиваться работа всего минсельхоза.

Иначе получается, что у министерства своя дорога, но заодно оно не должно забывать и про Стратегию.

Вот, в прошлом году была принята Программа развития сельского хозяйства республики на 2008—2012 год.

Интересно, в аппарате министерства уже действует управление по реализации этой программы, а если нет, то почему?

На ближайшие 10—12 лет Стратегия это «коран», которым должны руководствоваться органы власти любого уровня, потому что социально-экономическое развитие подразумевает абсолютно всё.

Сверх него никаких целевых ориентиров у них нет, да и не может быть по определению.

Это, кстати, касается и структур федерального подчинения, функционирующих в республике, поскольку Стратегия 2020 Дагестана должна являться органичной составляющей федеральной Стратегии 2020.

Деятельность и президента, и министра, и главы муниципального образования, и рядового служащего любой из государственных и муниципальных структур или сельских администраций, в рамках своих полномочий, должна выстраиваться исходя именно из этого и больше ничего другого, поскольку любое событие, которое происходит или будет происходить в любой точке республики и по любому поводу не может быть иным кроме как социально-экономическим.

Например, та же политика, по известному выражению опального ныне классика, есть не что иное, как концентрированное выражение экономики.

И не дай бог, если сейчас по всей вертикали власти пойдёт волна создания каких-то специальных отделов, комитетов или управлений по реализации Стратегии социально-экономического развития.

Вроде как, до обеда глава правительства или министр занимается Стратегией, а после обеда чем-то другим. Интересно чем?

Что касается уже действующих сейчас целевых программ, то их следует рассматривать как подпрограммы по реализации Стратегии и, если необходимо, корректировать под неё.

Да и каких-то принципиальных расхождений в них, если они правильно разработаны, тоже не должно быть, потому что сама Стратегия 2020 тоже должна разрабатываться с учётом уже действующих программ.

По сути, любая государственная или муниципальная структура должна быть управлением по реализации Стратегии 2020 в пределах своей компетенции и любое подразделение этого управления тоже должно быть подразделением по реализации Стратегии 2020 в пределах уже своей компетенции.

Потребуется ли Стратегия каких-то изменений в структурах управления?

Наверное, да.

Но никак не в виде создания неких специализированных служб именно по её реализации, а настройки или даже, если потребуется, перестройки аппаратов управления в целом.

II

Опасной миной, заложенной в концепцию мобилизации власти, с моей точки зрения, является и предложение автора создать «механизмы государственно-частного партнёрства».

Суть её в том, что «государство не ждёт, пока бизнес проявит инициативу, а само иницирует и реализует проекты, чтобы продать контрольный пакет акций нового предприятия частному собственнику».

— А зачем продавать, если всё и так замечательно складывается?

Пусть государство, раз оно способно выступать в роли столь эффективного собственника, и продолжит хозяйствовать в своих вновь созданных и, надо полагать, эффективных предприятиях. Разве самое сложное не будет уже позади?

Только стриги купоны.

Лично я так и поступил бы.

Кто же в здравом уме избавляется от куриц, несущих золотые яйца?

Да здравствует социалистическая экономика – самая экономная экономика в мире!
Это я вполне серьёзно.

Коли, возможна столь удачная реализация государством бизнес-проекта, то «такая корова нужна самому.»

Впрочем, автор оговаривается, что ему самому не нравится «чрезмерное вмешательство государства в экономику» (от чего же не нравится, если, повторюсь, всё будет столь чудесно складываться?), но, к сожалению, «это крайнее средство, которое следует применять, если общество и бизнес не имеют достаточно стимулов к развитию».

Лично для меня заявление просто удивительно.

– Во первых, как можно считать, что общество и бизнес, из которых так и прёт энергия, ничем не стимулируется и пребывают в спячке?

Иначе, чем тогда объяснить и ожесточённую борьбу за власть, и застраиваемые торговыми точками тротуары с палисадниками, и двузначные цифры роста экономики, и даже экстремизм и растущие изо дня в день уличные пробки?

Разве это не свидетельство, пусть и диковатого, но развития? В сонном царстве такого не бывает.

Значит, стимулы есть и очень даже сильные.

Всё бурлит, все стремятся к изменениям и что-то активно и даже сверхактивно предпринимают.

Другое дело, что эта энергия очень плохо управляема.

Не декларируемые, а реально существующие стимулы и ограничения мало способствуют совпадению векторов личного интереса с общественным и поэтому он – личный интерес чаще всего реализуется вопреки общественному и, значит, через негатив.

– Во вторых, допустим, автор прав и вокруг лишь некая пассивная масса, не видящая никаких стимулов для развития.

Тогда зачем рисковать, передавая ей какие-то, пусть даже очень хорошие, предприятия, создаваемые государством?

Чтобы их развалить?

Да и денег на покупку контрольных пакетов у неё вроде не должно быть, если бизнес действительно пребывает в ступоре из-за отсутствия стимулов.

Если мне, например, футбол до лампочки, разве покупка мяча породит стимул заниматься им?

Ладно. Возможно и породит.

Только вот с чего я буду покупать мяч, если футбол мне, всё-таки, до лампочки?

Замкнутый круг.

В рыночной экономике государство, за исключением некоторых естественных монополий, а также тех секторов, где привлечение бизнеса заведомо невозможно или недопустимо, должно не подменять хозяйствующие субъекты, а играть роль регулятора.

То есть, создавать и применять инструменты, способные стимулировать развитие в правильном направлении.

Безусловно, в настоящее время властные структуры с этим справляются не особо успешно – какие-то инструменты не созданы, какие-то – кривые и тупые, а какими-то пользуются недостаточно умело.

И вот, вместо приведения в порядок инструментария для направления энергии развития в правильное русло, государству предлагается заняться тем, от чего оно, по достаточно вроде бы понятным причинам ушло двадцать лет назад.

Это можно сравнить с предложением родителям двоечника – балбеса, которого, к тому же, бог не обделил ни умом, ни здоровьем, делать за него домашнее задание вместо того, чтобы вправить ему мозги.

Разве таким способом он превратится в отличника?

К тому же государство, в отличие от родителей, способно делать «домашнее задание» ещё хуже двоечника.

Как показатель успешности государства в качестве предпринимателя я попытаюсь прокомментировать одну известную историю.

Обычно, предприниматель, собираясь что-то построить, заказывает проект.

При этом, он заинтересован, чтобы получить его на руки по оптимальному соотношению цена/ качество и, естественно, делает для этого всё возможное.

В противном случае можно прогореть.

А теперь давайте рассмотрим, как государство всей своей мощью пытается решить одну в общем-то пустяковую по сложности исполнения, но чрезвычайно важную, с точки зрения результата, аналогичную задачу.

В прошлом году республика озаботилась стратегией своего развития до 2020 года.

Естественно, для начала ей был нужен проект.

Как в лучших домах, был объявлен конкурс (что касается формальной стороны дела, мы всегда безупречны – ни одна ревизия не подкопается) и выявлен победитель, в лице института ДНЦ РАН, который согласился разработать проект Стратегии за три копейки...

Ах, извините, за 1,5 миллиона рублей.

И не нашлось у этого государства никого, кто бы посчитал, что из этой суммы после уплаты всех налогов, а так же отчисления хотя бы 20—30% для поддержки штанов родному институту, каждому исполнителю достанется где-то порядка 40—60 тысяч рублей. Не в месяц, а на всё время работы – чуть ли не год. Получается, что никому даже в голову не пришло, что такую работу за такие деньги не станет делать ни один уважающий себя профессионал, а если кто согласится, то это очень подозрительно.

Либо он никакой не профессионал, потому что не представляет, за что взялся, либо заранее настроен на халтуру, чтобы, пусть и немного, но «срубить бабок».

Для сравнения сообщу, что в этом году, например, некая ОАО «Южная телекоммуникационная компания» за проведение аудиторской проверки своей финансовой отчётности 2007 года заплатила аудитору 12,8 млн рублей (это я из сообщений в СМИ). Речь идёт о коммерческой структуре, которая, как известно, деньгами не разбрасывается, и работе, которая по сложности, объёмам и степени ответственности на порядок уступает разработке проекта Стратегии 2020.

В результате произошло то, что и должно было произойти. Государство заказало экспертизу разработанного проекта Стратегии (формальность, опять таки, соблюдена безупречно) и узнало то, что ему итак неоднократно сообщал, прежде всего, я, – проект никуда не годится.

Заодно замечу, что за экспертизу, которую пара толковых специалистов может сделать за две- три недели работы, было заплачено столько же, сколько за весь проект Стратегии коллективу из более чем десятка человек, за многие месяцы (!?). И опять это несоответствие ни у кого не вызвало никаких вопросов.

И задумало тогда государство начать проектировать заново. Проектировщиков взяли тех же, но, как сообщалось, уже за 6 миллионов, а надзирать над ними поставили тех самых экспертов, но за 10 миллионов (!?).

Не будем говорить о качестве экспертизы, к которому при ознакомлении появляются кое-какие вопросы, хотя в целом его, в сравнении с качеством самого проекта, наверное, можно признать удовлетворительным.

Тем не менее, опять не нашлось у государства никого, у которого возникли бы сомнения:

1. Почему разработчикам проекта недостаточно для исправления ошибок лишь акта экспертизы, а нужна ещё няня, переставляющая ноги?

2. Если они не способны даже к такой самостоятельности, то зачем заказчик привлёк их к делу, с которым они один раз уже не справились?

3. Неужели у заказчика нет у себя ни одного толкового экономиста, который с актом экспертизы в руках, мог бы контролировать ход работ, и потребовался особый контролёр за 10 миллионов?

Если он считает, что нет, то в чём смысл его – такого заказчика существования?

4. Поскольку эксперты, перейдя в «няни», потеряли свою невинность, кто теперь будет давать независимую оценку качества нового проекта и во сколько ещё это обойдётся?

5. Надзор и консультации отнимут у «няни», в общей сложности ну, никак не более 50—100 человеко-часов. Несложный подсчёт показывает, что час её консультаций стоит 4—8 тысяч долларов.

Интересно, эта «няня» стоит таких сумасшедших денег только для нас или для всех?

Например, ОАО «Южная телекоммуникационная компания» тоже их выложила бы с готовностью?

6. Во всем мире стоимость идей равна в среднем 10—20% от общей стоимости проекта.

В нашем же проекте стоимостью в 16 миллионов, она, оказывается, составляет более 60% (10 миллионов рублей). Нобелевский комитете в этом году явно промахнулся с выбором лауреата в области экономики.

Разработка качественного проекта Стратегии действительно должна стоить порядка 20—30 миллионов рублей.

Однако, из них труд консультантов может быть оценён ну никак не более чем в 2—3 миллиона.

(Тысяча долларов за час – не хило даже для какого-нибудь «Эрнст энд Янга» с мировым именем.

Сравните это со стоимостью часа труда наших разработчиков, оценённых замечательным государством вначале в 10—15 долларов, а потом в 40—60.

(Для справки – в фирменном автосервисе стоимость нормо-часа слесаря-ремонтника сегодня оценивается, как раз, в те самые 40—60 долларов.)

Всё остальное должно идти на оплату труда прямых исполнителей.

Мне ранее уже приходилось обращать внимание на то, что в разработке Стратегии наиболее трудоёмким является сбор и анализ информации (до 90—95% объёма любой научно-исследовательской работы).

С учётом же того, что этим консультантам за экспертизу – тоже, по сути, консультацию, уже было уплачено и им уже не нужно тратить время на то, чтобы войти в курс и оценить обстановку, то их «титанический» труд во второй раз можно было бы оценить по самым высоким мировым расценкам не более чем в 1—1,5 миллионов рублей.

То есть, нашим консультантам собираются заплатить (или уже заплатили), как минимум, в 6—10 раз больше максимально допустимого с точки зрения любого здравого смысла, а если быть расчётливым прагматиком, то и в 20—30 раз больше.

Крупные московские финансовые институты платят своим аналитикам – консультантам и миллион долларов в год.

Однако, дело в том, что через руки такого аналитика за это время проходит не один, а десятки проектов и годовой фонд рабочего времени у него составляет порядка 2000 часов.

То есть, час такого специалиста, безусловно, международного класса стоит порядка 500 долларов (сравните это с подсчитанными выше 4—8 тысячами, для привлечённых государством гениев от экономики).

Задам ещё ряд вопросов:

– Если заказчик считает дагестанских учёных достойными выступать в роли разработчиков Стратегии, то почему он унижает их столь ничтожной в сравнении с их консультантами оплатой труда? Если же он считает, что они достойны только такой оплаты, то зачем нужны ему такие разработчики.

А может это новый способ экономии государственных средств?

Тогда почему он немыслимо расточителен в отношениях с консультантами?

Вот вам реальный пример того, как государство осуществляет простейший проект.

Не претворение в жизнь Стратегии 2020, а просто, грамотное осуществление заказа на его разработку и контроль за качеством исполнения.

Если бы подобные кульбиты совершал предприниматель, разве вокруг не решили бы, что ему, пока не разорился, нужна консультация психиатра?

А вот в случае с государством это, вроде как, норма.

И вы верите, что оно будет штамповать, эффективные предприятия, контрольные пакеты акций которых потом, как горячие пирожки, будут разбирать беспомощные «частные собственники» – пофигисты, не имеющие стимулов для развития?

P.S. Полагая, что массовый читатель вовсе не обязан быть специалистом в той, либо иной области, я, в меру возможностей, стараюсь излагать не скупясь на детали и попроще.

Возможно, даже излишне.

Тем не менее, время от времени появляются сомнения, что мои тексты, доступны пониманию далеко не всех.

Последний случай вообще анекдотичен.

Один комментатор – экономист, «цитируя» то, что найти в тексте никак невозможно, приписал мне угрозу разгромить известную уже идею космодрома.

Вдогонку другой, цитируя, то, что в тексте действительно имеется, но, вырвав из контекста и интерпретируя, через назад, сообщает, что я, прямо таки, «патетически», поддерживаю идею космодрома (???).

И что теперь делать? Перестать реагировать?

А может излагать, как для учащихся вспомогательных школ?

III

И всё-таки, может, я не прав, критикуя идею государственно – частного партнёрства на путях мобилизации власти, поскольку её автором в дальнейшем предлагается вполне конкретная программа.

Создание государством эффективных предприятий с последующей продажей их бизнесу предлагается проводить через корпорации, которые будут выступать в качестве агентов, занимающихся этим, для чего в них аккумулируются фактически все имеющиеся производственные активы.

Помимо этого, чтобы получалось хорошо, а не как всегда, предполагается поощрять министерских чиновников, создав соответствующие фонды, куда должна перечисляться опре-

делённая часть прибыли соответствующих корпораций и деньги эти, вроде как, должны быть немалыми – «хорошая прибавка к зарплате».

Внешне всё выглядит вполне прилично, но дьявол, опять-таки, в деталях.

Прежде всего, складывается впечатление, что идея дагестанских госкорпораций спровоцирована фактом создания госкорпораций федеральных (технологии, судостроение, авиастроение...).

Однако, применение на региональном уровне тех же инструментов что и у федералов, далеко не всегда продуктивно.

Мне уже приходилось комментировать, что, когда федеральный центр поднимает на щит инновационную экономику, то он под эту идею выделяет вполне конкретные сотни миллиардов из бюджета.

Когда же об этом начинают шуметь в регионах, то непонятно, кому этот шум адресован. Предпринимателей воспитывать не надо.

Они и так нацелены именно на инновации, а если кто использует дедовские технологии, то это не от глупости, а от бедности.

Что же касается регионального, живущего на дотациях, бюджета, то он никак не может заниматься хоть сколь ощутимым финансированием наук и технологий.

То же самое касается и госкорпораций.

Федеральные госкорпорации создаются для каких-то там прорывов и центр собирается ощутимо вложиться в них. Например, народному «любимцу» Чубайсу – ныне российскому главному нанотехнологу предстоит волнующая процедура освоения 180 миллиардов рублей.

Насколько правильна такая монополизация и накачка государственного монополиста деньгами, это уже другой вопрос.

А что сможет предложить Дагестан своим корпорациям, которым тоже предстоит заняться чем-то инновационным, правда, с последующей его продажей?

Я не считаю, что сбор под одной крышей всех еле дышащих либо вообще уже не дышащих предприятий, иных физически и морально изношенных активов, или пустующих земель даст хоть какой-то эффект.

Это, не считая того, что возникает ещё и проблема собственности (где она республиканская, а где федеральная или муниципальная).

Если подобные корпорации – это хорошо, то тогда, может, надо создавать их и в муниципалитетах?

Да и федеральную собственность в республике можно было бы объединить под флагом какой-либо корпорации.

Источники же финансирования этих образований автору идеи видятся в привлечении частного капитала к процессу создания на основе этой собственности новых предприятий.

Того самого капитала, которого мы с таким скрипом стараемся привлечь даже на правах полных собственников.

– Вот вам земля или какой иной имущественный комплекс целиком, вот все условия, только, ради бога, создайте что-нибудь работающее.

А потенциальный инвестор чешет затылок, поскольку риски ведения бизнеса в Дагестане ему кажутся великоватыми.

И этот инвестор будет рисковать своим капиталом на условиях уже миноритарного, то есть, практически бесправного акционера в деле, которым заправляют госчиновники, под завешения, что эти чиновники будут правильно работать, создавая что-то привлекательное из чего-то совершенно непривлекательного, потому, что их будут правильно мотивировать?

Может и рискнёт, если окончательно лишится ума.

В противном же случае, даже, если чиновники будут похожи на ангелов, убеждён, этого не произойдёт никогда.

Инвестор приобретает акции лишь с одной целью – иметь с них доход, который, как известно, может быть от роста их курса и дивидендов.

Для этого у него, помимо уверенности в будущие эффективные предприятия, должна быть и уверенность, что акции ликвидны и он, когда захочет, сможет продать их.

Что прибыль будет показана вся, а не уйдёт в тень.

Что дивиденды будут честно начислены и выплачены, а не волей владельца контрольного пакета инвестированы непонятно во что.

Что, в случае успешного развития проекта, мажоритарий не примет решение о дополнительной эмиссии, превращающей миноритарный пакет вообще в ничто.

Да мало ли ещё что можно сотворить с миноритарием, при нашем уровне защищённости его интересов корпоративным правом, законопослушности граждан и качества судопроизводства.

И здесь не спасёт никакое обещание продать ему в будущем контрольный пакет, потому что это будущее ещё должно наступить, и никто, даже с вероятностью пятьдесят на пятьдесят, не гарантирует, что оно будет таким, каким его распишут зазывалы.

Лично я, в качестве миноритарного акционера, не вложил бы ни одного рубля ни в один дагестанский бизнес ни сегодня – в частный, ни завтра – в госкорпоративный.

Да и вообще в российский не вложил бы, за исключением, так называемых, голубых фишек с учётом, поставленным по стандартам МСФО, и аудитом от признанных в мире международного бизнеса структур.

А если и вложил бы, то только при твёрдой уверенности, что смогу набить морду владельцу контрольного пакета в том случае, когда он поведёт себя неправильно и он про это знает.

Но такое называется уже не бизнесом, а чем-то другим.

Во всех остальных случаях результатом такого вложения станет появления у меня акций, реальная стоимость которых, скорее всего, будет ниже стоимости бумаги, на которой они напечатаны.

И что, один я такой умный?

Помимо прочих, причиной, требующей концентрации ресурсов в госкорпорациях, автор называет то, что сейчас невозможно полностью собирать налог на землю.

Проблема сельского хозяйства, как, впрочем, и любого производства это проблема поиска наиболее эффективного собственника.

Чтобы собственность автоматически, а не благодаря чьёму-то указанию – ибо не факт, что оно непременно правильное – переходила к более эффективному собственнику, нужно сделать владение ею невыгодной неэффективному собственнику.

Для этого существует апробированный во всём мире способ – налог на собственность.

Не работающую или плохо работающую собственность должно быть убыточно держать, а эффективного собственника такой налог не должен особо обременять.

Эту тему я в своё время довольно подробно раскрывал в своих публикациях, показав возможности республики в создании такого механизма и даже обозвал принцип его действия эффектом горячей картошки.

В смысле, что имущество должно жечь неэффективного собственника, как горячая картошка руки, побуждая либо становиться эффективным, либо избавляться от него.

Нам же сообщают, что земельный налог не платят, а если всю землю сгрести под крыло некой корпорации, то всё станет тип-топ.

Я думаю, если налог кто-то не платит, то это, прежде всего, проблема налоговой инспекции, а не повод для создания госкорпорации.

Но дело в том, что если даже такой налог будет собираться полностью, это не налог, а слёзы и никакого особого толка от него не будет ни для бюджета, ни для стимулирования оборота земель, направленного на поиск наиболее эффективного собственника, поскольку его – налога величина занижена в десятки раз от экономически обоснованной.

Сегодня можно безболезненно платить смешные по величине налоги или арендную плату и ничего на земле не делать, просто держа её при себе.

Причина блокировки оборота земель, а значит и отсутствия от них сколько-нибудь ощутимой отдачи, прежде всего, именно в этом.

Собираемость налогов на землю это вопрос, приобретающий ощутимый смысл лишь после установки эффективного уровня налогообложения.

Что же касается мотивирования чиновников министерств премиями за счёт отчислений от прибылей корпораций, то, даже, если чудо произойдёт и частный капитал вложится, а чиновник окажется умницей и появится прибыль, то такая мотивация ничего хорошего экономике республики всё равно, не сулит, поскольку она очень дурно пахнет монополизмом.

Он конечно-же, покажет себя во всей красе и всем, начиная с президента, сможет убедительно доказать, что так и должно быть и без корпораций не прожить.

Создай сегодня министерство свежего воздуха и через месяц-другой мы узнаем от его руководителя, как оно работает в поте лица, что нужно ещё повысить финансирование, потому что могут возникнуть перебои с обеспечением этим самым воздухом и все мы задохнёмся.

Как совместить функции министерства, которое должно выступать в роли проводника политики государства в зоне своей ответственности, где все её субъекты должны быть равны и главная задача – обеспечение эффективного развития республики в целом, с тем, что главная его мотивация – премия будет привязана к результатам деятельности своей карманной госкорпорации?

Польза для некой корпорации далеко не всегда означает и пользу для республики в целом.

Это разные вещи.

Поставьте хозяина нескольких пекарен заодно и ответственным за организацию обеспечения хлебом всего города.

Ну и как почувствуют себя владельцы остальных пекарен, а заодно и горожане, когда конкуренция превратится в протекционизм?

Или этого не произойдёт?

Но разве нечто подобное не происходит у нас сейчас на каждом шагу?

Оставим даже Дагестан.

Приведу совершенно свежий пример, озвученный руководителем одного из комитетов Совета Федерации.

Как известно, в связи с кризисом в целях повышения ликвидности, государство приняло решение влить в банковскую систему сотни миллиардов рублей.

Проводниками же, через которые эти средства должны доходить до мест назначения, оно выбрало крупнейшие банки – тоже коммерческие, но со своим – государственным участием.

Деньги были переведены и затем из головных офисов этих банков пошли в их региональные филиалы.

Спустя некоторое время выяснилось, что кое-где в регионах они застряли, не поступая тем, кому были предназначены – другим банкам – фактически конкурентам.

Оказывается, придерживая деньги, доноры начали крысятничать, переманивания клиентуру этих банков.

Такая вот честная конкуренция.

А как совместить интересы чиновников министерства и управленцев госкорпорации с тем, что в идеале хорошо, допустим, работающая корпорация должна, в конечном итоге, самоликвидироваться, поскольку всё, чем она располагает, будет превращено в эффективные предприятия и продано?

Разве это не создаёт мотивацию в совершенно противоположном, чем имелось в виду, направлении?

И чем дальше, тем она сильнее.

Конечно, можно придумать разные хитроумные костыли, чтобы не дать развалиться предлагаемой конструкции госкорпораций, но костыль он и есть костыль и, главное, он никогда не устранит то обстоятельство, что государство, как собственник, никогда не было эффективнее частника.

Идея госкорпораций предполагает, что они чуть ли не на конвейер поставят создание эффективных предприятий. Это ненаучная фантастика!

Вообще-то создание с нуля даже одного такого предприятия, естественно, не считая тех, чья эффективность гарантируется блатными преференциями, есть, без преувеличения, настоящий подвиг предпринимателя, за который его портрет можно смело вывешивать на доску почёта.

Совершается он не за один месяц и даже год, если, конечно, речь идёт не о киоске по продаже мороженого.

В нормальной рыночной экономике на один такой удачный опыт приходится десять неудавшихся.

Такова реальность и никакие госкорпорации не в состоянии её изменить.

В идее госкорпораций даже перечисленные выше «но», не то, что суммарно, но и каждое в отдельности зашкаливает за ту отметку, далее которой она теряет смысл.

Что же тогда делать со всеми производственными активами, которые в руках государства, чаще всего, сейчас играют роль балласта?

Лично у меня ответ один – приватизация без всяких попыток такой предпродажной подготовки, как создания на его основе неких эффективных предприятий.

Естественно, не считая тех направлений деятельности, которые заведомо невозможно, передать в руки бизнеса.

Все эти ГУПы, МУПы и прочие структуры, паразитирующие на бюджете, есть чёрные дыры экономики, способные бесследно поглотить любые средства хоть по отдельности, хоть под общей вывеской.

В условиях финансового кризиса, требующего особо бережного отношения к деньгам, такая ситуация приобретает повышенную остроту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.